This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PG3470
R7V2
1907

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

александръ
рославлевъ

въ башнѣ

стихи

книга первая

книгоиздательство
«ѳоs»
1907

Digitized by Google

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ
РОСЛАВЛЕВЪ

ВЪ БАШНѢ

СТИХИ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЄОS»
1907

Digitized by Google

Digitized by Google

Roslavlev, Aleksandr

АЛЕКСАНДРЪ
РОСЛАВЛЕВЪ

ВЪ БАШНѢ

СТИХИ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЄОS»
1907

Digitized by Google

Digitized by Google

Моей спутницѣ

Digitized by Google

Digitized by Google

Тебѣ, небесной, съ ликомъ дѣвы,
Чье имя—«мудрость», я принесъ
Мои суровые напѣвы,
Цвѣты кровавыхъ зорь и росъ.

Я, огнекрылый, ярый воинъ,
Черезъ вѣка ведущій рать,
Гроза царей, я недостоинъ
Твоихъ сандалій развязать.

Но будь, святая, благосклоина,
Кинь высь надзвѣзднаго дворца,
Съ улыбкой на земное лоно
Сойди и выслушай пѣвца.

Digitized by Google

Digitized by Google

МЯТЕЖЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

УЧИТЕЛЮ.

(Валерію Брюсову).

Учитель, въ сердце откровенье
Стрѣлою огненной вшилось,
И я, какъ ты, въ оцѣпѣненьи
Слѣжу въ вѣкахъ земную ось...

Ты вскрылъ грозящія намъ бездны,
Ты расшаталъ ея чеку,
И вотъ гласитъ твой стихъ желѣзный
Твою суровую тоску.

Уйдя отъ гулкаго смятенья,
Слѣпыхъ чудовищъ — городовъ,
Ты въ своевольномъ заточеньи
Смертельно алчешь вѣчныхъ сновъ.

Въ ночной тиши, мудрецъ упорный,
Вкушаешь яды вѣщихъ книгъ,
Въ мечтахъ: то звѣрь, то духъ нагорный,
То Бога солнечный двойникъ.

Digitized by Google

На мигъ лучъ сладостной надежды
Пустыню міра озаритъ,
И вновь устало клонишь вѣжды,
Храня спокойный, строгій видъ.

Моя душа встрѣчалась гдѣ-то
Съ твоей великою душой.
Тропой тернистою поэта
Иду, учитель, за тобой.

Digitized by Google

ВѢКА.

Провижу васъ грядущіе вѣка,
Провижу и скорблю душой неискушенной,
И скорбь моя, какъ море, глубока.

Орлинной мыслью къ солнцу вознесенный,
Слѣжу я жизнь, слѣжу за мигомъ мигъ,
И вижу: рабство, кровь и трудъ безсонный.

Умъ изнемогъ отъ безконечныхъ книгъ,
Я до конца извѣдалъ всѣ соблазны,
Донесъ и сбросилъ тяжесть всѣхъ веригъ.

Хохочетъ дьяволъ въ маскѣ безобразной,
И крутитъ стрѣлки огненныхъ часовъ,
И ужасъ каждый часъ какъ будто разный.

Что ни мгновенье тысячи гробовъ
И тысячи рожденій и зачатій.
Рѣка изъ тѣлъ стремится въ даль вѣковъ.

Digitized by Google

Богохуленья, бѣшенство проклятій
И месть кому-то, месть, какъ змѣй въ груди,
И все въ напрасной, непосильной тратѣ.

Чего жъ мы ждемъ, безумцы, впереди!
Далекій или близкій, братъ безвѣстный,
Ты слышишь сердце? Слышишь?—Жди, жди, жди...

Не вѣрь ему, мы, птицы въ клѣткѣ тѣсной,
Забыли высь и голубой просторъ,
Намъ не упиться музыкой небесной.

Что высь небесъ, намъ страшны выси горъ.
Тысячелѣтія, какъ день вчерашній.
О человѣчество, позоръ тебѣ, позоръ

Отъ пирамидъ — до Эйфелевой башни!

Digitized by Google

ВИѲЛЕЕМЪ.

Гласъ въ Рамѣ слышенъ,
плачъ и рыданіе и вопль
великій, Рахиль плачетъ о
дѣтяхъ своихъ и не хо-
четъ утѣшиться, ибо ихъ
нѣтъ.
(Іеремія 31, 15).

О, Виѳлеемъ, ты горестью великъ,
Ты сталъ въ вѣкахъ, какъ свѣтлая гробница,
Какъ слезъ любви сокровищный тайникъ.

Я помню все, я помню, мгла, какъ птица,
Рвалась и билась, помню блескъ мечей
И какъ бы пьяныя, тупыя лица.

Мнѣ не забыть безумья матерей,
Тщету ихъ рукъ, ихъ груди въ жалкой дрожи
И кровь дѣтей, о звѣри, кровь дѣтей!

Мнѣ не забыть разметанное ложе,
Замершій взглядъ и вялость женскихъ ногъ,
Его лицо и смѣхъ на лай похожій.

Digitized by Google

О ночь злодѣйствъ, о властолюбецъ Богъ.
Убей меня, убей безъ промедленья,
Чтобъ я, Твой рабъ, простить Тебя не могъ.

Кровь, кровь дѣтей, какое омраченье,
Позоръ отнынѣ на главу Твою.
Какъ искупить? Возможно ль искупленье?

Не Ты ль далъ солнце, чтобы дать змѣю,
Посѣялъ мысль, не пощадивъ слѣпого,
И вмѣтилъ высь у бездны на краю?

Тебя простить, о нѣтъ, я слышу снова
Рожки, команду, сотни голосовъ
И слово «Цезарь» — каменное слово.

Кровавый бредъ, кричащій изъ вѣковъ,
Безглазый ужасъ, маски изступленій,
И скорбь, которой выразить нѣтъ словъ.

Тебя зовутъ обманутыя тѣни
Въ тоскѣ великой, Ты же глухъ и нѣмъ,
И слѣпъ,— въ Твой храмъ обагряны ступени,

И цѣлый міръ, какъ скорбный Виѳлеемъ!

Digitized by Google

ВЪ КНИГОХРАНИЛИЩѢ.

Въ хранилищѣ старинныхъ, пыльныхъ книгъ
Вникаю я въ далекія вѣщанія...
Часы бѣгутъ и дорогъ каждый мигъ.

Я упоенъ блаженствомъ обладанья
Глубинами забытыхъ мудрецовъ,
И цѣлый міръ встаетъ, какъ міръ познанія.

Но иногда величіе вѣковъ
Гнететъ меня, и вѣетъ жуткій холодъ
Отъ выцвѣтшихъ, слежавшихся листовъ.

О, если-бъ я былъ безконечно молодъ,
О, если-бъ жить несчетные года
И утолить неутолимый голодъ!

Но знаю, я обманутъ: «нѣтъ» и «да»,
Минуютъ дни восторженныхъ исканій
И мысль придетъ къ безвременью труда.

Digitized by Google

Угаснетъ пылъ сомнѣній и желаній,
Измѣнятъ недовидѣнные сны,
И я умру въ началѣ начинаній.

Я разгадалъ томленье тишины,
И чуткій сумракъ полокъ запыленныхъ,
И понялъ я, что въ жизни всѣ равны.

Не надо мудрости и пѣсенъ изступленныхъ!
Какъ все въ Одномъ и какъ во всемъ Одинъ,
Равны въ близи и въ знакахъ отдаленныхъ

Поэтъ, мудрецъ и дерзкій арлекинъ.

Digitized by Google

БАРЕЛЬЕФЪ.

Виктору Муйжелю.

Я видѣлъ барельефъ, и до сихъ поръ
Мнѣ сердце жжетъ о немъ воспоминанье...
Вотъ въ небо крикъ, вотъ каменный укоръ!

Подъ барельефомъ не было названья:
Трупъ женщины, на немъ мужчины трупъ,
Ихъ Змѣй сдавилъ и замеръ въ созерцаньи...

Взглядъ у обоихъ холоденъ и тупъ,
Но столько страсти въ жадномъ поцѣлуѣ
Отъ смертной боли искривленныхъ губъ.

Проклятый Змѣй, чью силу роковую
Не одолѣть, чьихъ чаръ не избѣжать,
Коварный Змѣй, обвившій ось земную!

Земля, земля—моя святая мать,
Вездѣ проползъ онъ—врагъ твой ненасытный,
На всемъ его зловѣщая печать.

Digitized by Google

Неуязвимый, злобно-любопытный,
Слѣдившій жизнь несчетные года,
Онъ исказилъ твой обликъ первобытный.

Чуть не до неба встали города,
Гдѣ ровный свѣтъ, гудки автомобилей...
И гдѣ просторъ потерянъ навсегда...

Напрасны взрывы яростныхъ усилій,
И крикъ «свобода» смѣлыхъ бунтарей,
Намъ не вернуться къ легендарной были,

Когда подъ солнцемъ, звѣри межъ звѣрей,
Бродили радостно Адамъ и Ева,
Прекрасны, мудры въ наготѣ своей.

Что жъ, сѣятель губительнаго сѣва!
Ты побѣдилъ: земля въ сѣтяхъ твоихъ.
Но чѣмъ еще насытишь алчность зѣва,

Духъ познаванья,—темный богъ слѣпыхъ?

Digitized by Google

СОЛНЦЕ.

М. П. Арцыбашеву.

Жизнь—вѣчный пиръ, внимайте солнцу, люди,
Оно поетъ, у васъ въ крови поетъ,
О творческомъ, о неизбывномъ чудѣ.

Прекрасна дѣва въ часъ, когда придетъ
Ея женихъ и съ нихъ спадутъ одежды,
Прекраснѣй мать, питающая плодъ.

Расти, дитя, вновь будутъ властны вѣжды,
Пронижетъ мысль всѣ звѣзды и вѣка,
И сердце приметъ новыя надежды.

О счастье жить! Въ лучѣ моя рука!
Какая радость чувствовать въ ней силу,
И хрупкій стебель нѣжнаго цвѣтка.

Во всемъ подобься гордому свѣтилу
И улыбнись, когда тебѣ съ тоской
Укажетъ кто на раннюю могилу.

Digitized by Google

Нѣтъ прошлаго, нѣтъ жизни прожитой.
Не убываетъ ни одно мгновенье,
Но каждое вновь связано съ тобой.

Проклятье утверждающимъ сомнѣнье,
Клевещущимъ на солнечный просторъ!
Вотъ истина великаго значенья,

Вотъ эпитафія: «Склони твой взоръ,
Пусть каждый знакъ, который здѣсь начертанъ,
Блеснетъ, какъ лучъ разсвѣтный изъ-за горъ,

Живи! Я жилъ, я мыслилъ—я безсмертенъ.

Digitized by Google

СМЕРТЬ.

Смерть—старая насильница—пьяна.
На улицахъ не счесть телѣгъ съ гробами,
На кладбищѣ могильщики безъ сна...

Смерть всюду, каждый мигъ въ трактирѣ, въ храмѣ...
Кто зачумленъ, тому спасенья нѣтъ,
Тотъ на другихъ глядитъ ея глазами.

Всѣ: юноша, старикъ въ избыткѣ лѣтъ,
Дитя—цвѣтокъ и женщина, какъ сказка,
Замкнулись всѣ и жгутъ вечерній свѣтъ.

Но страхъ не заглушитъ ни хмѣль, ни ласка;
Онъ у дверей, и каждый, молча, ждетъ:
Вдругъ боли, корчи и лицо, какъ маска.

Смерть—старая насильница найдетъ,
Руками цѣпкими вопьется жадно,
И мертвымъ ртомъ къ живому рту прильнетъ.

Digitized by Google

Дышать и знать, что дышешь, такъ отрадно.
Я, солнце, твой и мысль моя, какъ ты,
Возвышенна, красива и громадна.

Зачѣмъ же смерть и ранніе кресты?
А въ эти дни ихъ выросло такъ много.
Вотъ, можетъ, шелъ къ возлюбленной, мечты...

И трупомъ легъ у милаго порога.
Кто-жъ кормчій нашъ? До дна раскройся твердь,
И обнажи намъ дьявола иль Бога,

Чтобъ знали мы, что вѣчно: жизнь иль смерть.

Digitized by Google

ЛЮБОВЬ.

А. И. Куприну.

Любите такъ чисто и свято, какъ звѣри,
Любовь—это солнце въ полдневной красѣ,
Любовь—это въ вѣчность раскрытыя двери.

Любите, какъ звѣри, любите и всѣ
Коснетесь безумствъ переполненной чаши,
Иль сердце омоете въ красной росѣ.

Что можетъ быть ярче, что можетъ быть краше,
Звѣриннаго счастья двухъ юныхъ сердецъ.
Берите его, каждый мигъ оно—ваше...

Кто звѣря связалъ, тотъ насильникъ и лжецъ,
Тотъ жизни солгалъ, изнасиловавъ тѣло,
Пусть женщина—«самка», мужчина—«самецъ»...

И это прекрасно, коль сильно и смѣло:
Любить и дарить человѣка землѣ,
Чтобъ солнце въ крови его вновь пламенѣло.

Digitized by Google

Всевластна любовь и въ добрѣ и во злѣ.
Любите-жъ, поймите весь ужасъ потери:
Прожить, не любя, до морщинъ на челѣ.

Любите, такъ чисто и свято, какъ звѣри.

Digitized by Google

СЛАВА.

О слава, слава, скользкая тропа!
Сегодня ты увѣнчанъ и прославленъ
И рукоплещетъ шумная толпа,

А завтра послѣ пытокъ обезглавленъ,
И палачемъ твой блѣдный, страшный ликъ
Толпѣ, тебѣ рукоплескавшей, явленъ.

Безумьемъ ты, иль разумомъ великъ.
Не пей изъ чаши работворной власти,
Отравленъ тотъ, кто къ ней хоть разъ приникъ.

И на пути къ твоей завѣтной страсти
Не довѣряйся кораблю толпы,
На корабляхъ толпы гнилыя снасти.

Какъ много ихъ разметано въ щепы!
Я бъ властвовалъ, но предпочелъ иное:
Направилъ въ горы твердыя стопы,

Digitized by Google

Достигъ вершинъ и вотъ теперь насъ двое.
А жизнь, какъ сонъ, котораго ужъ нѣтъ,
Насъ двое: я и солнце золотое.

Отсель глашу мой радостный завѣтъ:
—«Кинь города—смятенныхъ душъ плѣненье,
Цари одинъ, неси на горы свѣтъ

И презирай людское поклоненье».

Digitized by Google

IУДѢ.

Изъ глубины померкнувшихъ столѣтій
Явилъ ты мнѣ, непонятый мой братъ,
Твой жгучій тернъ въ его побѣдномъ свѣтѣ.

Пусть гнусы о предательствѣ кричатъ!
Ихъ мысли тупы, на сердцахъ ихъ плѣсень,
Постичь ли имъ твой царственный закатъ.

Ты—свѣтъ пѣвцамъ для вдохновенныхъ пѣсенъ,
Ты, какъ на башнѣ,—выше облаковъ,
Откуда городъ межъ просторовъ—тѣсенъ.

Проклятый городъ, медлище рабовъ,
Гдѣ скорбно—блѣдный, нищій ихъ учитель
Бросаетъ зерна рабскихъ, нищихъ словъ.

И съ башни въ городъ сходишь ты, какъ мститель,
За ихъ права, несешь ковчегъ борьбы,
Чтобъ дать имъ мощь и пирную обитель.

Digitized by Google

Вотъ распятъ Онъ, но ликъ его судьбы
Не возбудилъ кровавой жажды мщенья.
Рабы стоятъ и смотрятъ, какъ рабы.

Ты проклялъ ихъ. Преодолѣвъ сомнѣнья,
Прозрѣлъ въ вѣкахъ достойнѣйшихъ тебя,
И смерть твоя—святое утвержденье,

Что ты спасалъ, страдая и любя.

Digitized by Google

ВЪ БАШНѢ.

Надъ моремъ и городомъ въ башнѣ живу.
Я пѣсни пою одиноко.
Тамъ волны, тамъ люди, какъ сонъ на яву,
Его я извѣдалъ до боли глубоко.

Отсюда виднѣе мнѣ зори востока,
Своими сосѣдями птицъ я зову,
И радъ, что давно и высоко
Надъ моремъ и городомъ въ башнѣ живу.

Digitized by Google

НОЧЬ.

О эта ночь!.. съ тѣхъ поръ моя душа,
Перестрадавши тысячи распятій,
Питаетъ солнце, огненно дыша.

Казалось, въ каждомъ громовомъ раскатѣ
Былъ черный смѣхъ всѣхъ ужасовъ земли,
Весь пирный адъ ихъ каменныхъ зачатій.

Въ разрывахъ тучъ, которыя ползли,
Какъ пьяныя, незрячіе уроды,
Метлища молній яростно мели.

Одинъ ударъ, обрушившись на своды,
Потрясъ всю башню, треснула стѣна
И загудѣли въ залъ подземный ходы.

Еще ударъ, еще... и тишина
Безумнѣй самой богохульной клятвы.
И въ этотъ мигъ предсталъ мнѣ Сатана.

Digitized by Google

«Вотъ полдень міра», рекъ онъ, «на закатъ вы
Придите всѣ опять моимъ путемъ,
Прославь мой серпъ и предскажи часъ жатвы».

Я внялъ и съ гордо поднятымъ челомъ
Вѣщалъ повсюду голосомъ столѣтій,
И каждый часъ былъ мрачнымъ торжествомъ.

Но какъ-то разъ въ цвѣтахъ, въ весеннемъ свѣтѣ,
Увидѣлъ я играющихъ дѣтей,
Сталъ говорить имъ и смѣялись дѣти,

И я постигъ вѣрнѣйшій изъ путей.

Digitized by Google

ВЪ ГОРОДѢ.

Мнѣ тѣсно здѣсь, какъ въ тѣсной западнѣ,
Я о поляхъ мечтаю, какъ о чудѣ,
И съ ѣдкой болью мыслю о веснѣ.

Мнѣ надоѣли комнатные люди,
Я сталъ ночнымъ, ищу призывныхъ встрѣчъ
Красиваго лица, манящей груди.

Меня пьянитъ прерывистая рѣчь,
Мгновенный пылъ, съ моимъ обмѣнно слитый,
Согласность губъ и содроганье плечъ.

Роскошенъ пиръ, безумно пережитый,
Но при концѣ я, какъ неловкій воръ,
Смущенно пью свой кубокъ недопитый.

Я силюсь скрыть мой боязливый взоръ,
Притворный видъ, ненужныя движенья
И ей, и мнѣ ненужный разговоръ.

Digitized by Google

Меня стыдитъ намѣренность сближенья.
Я сознаю, что оправданья нѣтъ,
Пытливо жду и скорю замедленья.

Еще вопросъ, еще одинъ отвѣтъ,
Закрыта дверь и я бреду уныло,
Вновь смѣхъ колесъ и вкрадчивый разсвѣтъ...

Опять хочу забыть, какъ это было,
Но блѣдность ногъ при ламповомъ огнѣ,
Слова и трепетъ чувственнаго пыла...

Быть можетъ сплю, быть можетъ сонъ во-снѣ?
Нѣтъ, явно близко—солнечное знанье—
Проклятье дню!—здѣсь все, какъ въ западнѣ,

И каждый шагъ, и каждое желанье.

Digitized by Google

ВЕСНА.

Блестятъ оттаявшія крыши,
Ломаютъ ледъ на мостовой
И небо солнечнѣй и выше
Надъ гуломъ жизни городской.

Иныя краски зарябили...
На окнахъ, въ лужахъ свѣтъ дрожитъ,
Гудя снуютъ автомобили,
И звонокъ мѣрный стукъ копытъ.

Потокомъ лицъ многообразнымъ
За мысль мысль увлечена;
Къ случайнымъ встрѣчамъ и соблазнамъ
Зоветъ пьянящая весна.

Вотъ въ черномъ платьи, въ шляпкѣ черной,
Глаза, какъ синіе огни,
Прошла съ улыбкою покорной...
О еслибъ лѣсъ, и мы одни.

Digitized by Google

На чуть просохшей, теплой хвоѣ,
Среди стволовъ, среди тѣней,
Надъ нами небо голубое
И шумъ разнѣженныхъ вѣтвей.

Весной мы въ городѣ такъ жалки,
Въ душѣ такъ много ѣдкихъ злобъ.
Смотри, на бѣломъ катафалкѣ
Въ цвѣтахъ желѣзныхъ бѣлый гробъ.

Трясется съ ельникомъ телѣжка,
И вѣтки въ лужахъ подъ ногой.
Какая дикая насмѣшка
Надъ юной жизнью, надъ весной.

Средь купли города и мѣны
За часъ забвенья страшенъ споръ.
Проклятье вамъ, глухія стѣны,
Скорѣе въ поле, на просторъ!

Цвѣты и солнце мы забыли,
А городъ все еще не сытъ...
Гудя, снуютъ автомобили,
И звонокъ мѣрный стукъ копытъ.

Digitized by Google

СЪ УЛИЦЫ.

Въ мертвенномъ свѣтѣ стеклянныхъ шаровъ
Женщина въ каменной маскѣ,
Нужная взбодренность четкихъ шаговъ,
Встрѣчи безличны, заучены ласки.

Сердце изжило, забыло мечту,
Первые взгляды, пожатья,
Солнце и яблони въ нѣжномъ цвѣту,
Радостнѣй цвѣта ихъ бѣлое платье.

Рѣжущій вѣтеръ качаетъ шары,
Снѣгъ отъ мороза хруститъ подъ ногами,
Улица въ наглomъ захватѣ игры
Тѣломъ продажнымъ, тупыми словами.

Кто онъ, который придетъ и возьметъ,
Вялый, поникнетъ на груди.
Снова и снова она проклянетъ:
Дьявольскій городъ—ни звѣри, ни люди.

Смерть съ нею заживо правитъ пиры,
Смятое ложе гробница.
Рѣжущій вѣтеръ качаетъ шары,
Черная шляпа, какъ черная птица.

Digitized by Google

АРЛЕКИНЪ.

За кулисою одинъ
У завѣтной дверцы
Плачу, бѣдный Арлекинъ,
О разбитомъ сердцѣ.

Гаснетъ лампа, все тѣснѣй
Обступаютъ тѣни,
Вторитъ ночь тоскѣ моей
Пѣснею осенней.

Вотъ твой бубенъ, обручъ твой,
Звѣздная повязка.
Гдѣ теперь ты, что съ тобой,
Золотая сказка?..

Лейтесь слезы вы мои,
Бисерныя блестки
Мойте слезные ручьи
Грязные подмостки.

Хлещетъ дождикъ, вѣтеръ пьянъ,
Вздулась парусина,
Пропади ты, балаганъ,
Съ горемъ Арлекина.

Digitized by Google

* * *

Ослѣпшій мѣсяцъ странно гасъ,
Вокругъ мѣнялись очертанья,
Куда-то тихо плыли зданья
И кто-то въ даль спѣшилъ отъ насъ.

Мы шли. Былъ страшенъ ранній часъ,
Былъ страшенъ каждый мигъ сознанья,
А мѣсяцъ гасъ, и плыли зданья,
И кто-то въ даль спѣшилъ отъ насъ.

Digitized by Google

СОНЪ.

Я трепеталъ, нашъ путь былъ гордъ и страшенъ,
На встрѣчу намъ плылъ облачный чертогъ,
Багрянцемъ розъ и золотомъ украшенъ.

На грани медлилъ огнеликій богъ,
И кругозоръ туманился широко.
Я посмотрѣлъ и оглянуть не могъ.

Мелькнули срывы бѣлаго потока,
Верхи камней и скалы на вѣсу,
«Ко мнѣ, ко мнѣ»,—шумѣлъ онъ издалека.

На склонѣ лѣсъ и тайное въ лѣсу.
Онъ слалъ привѣтъ. Я вспомнилъ дѣвъ пещерныхъ,
Ихъ вольный смѣхъ и дикую красу.

Поля, селенья на уступахъ вѣрныхъ.
Туда, туда. Но снова синева.
Тревожнѣй высь и шумъ отъ взмаховъ мѣрныхъ.

Digitized by Google

Тѣснило грудь, мутилась голова,
За мыслью мысль противилась несвязно.
И были мнѣ орлиныя слова:

«Учись парить безъ страха и соблазна».

Digitized by Google

ДЬЯВОЛЫ ГОРОДА.

Дьяволы города, цѣпки ихъ сѣти,
Надъ бредящимъ городомъ черный покровъ,
Хмурыя улицы въ мертвенномъ свѣтѣ
Колеблемыхъ вѣтромъ стеклянныхъ шаровъ.

Дьяволы города, купли и мѣны,
Кто не предатель, кто здѣсь не лжетъ?
Справа и слѣва все стѣны и стѣны,
Вывѣски, вывѣски, пасти воротъ.

Дьяволы города все запятнали.
Блѣдный мечтатель въ камняхъ тюрьмы,
Чахлыя дѣти въ промозглomъ подвалѣ,
Женщина съ сердцемъ страшнѣе чумы.

Дьяволы города, все имъ не сыто,
До боли извѣдана каждая ночь.
А дни? Иль не знаете, солнце убито.
Прочь изъ проклятаго города, прочь!

Digitized by Google

ЦВѢТОКЪ.

Дочь солнца и земли,
Она была цвѣткомъ,
И отъ людей въ дали
Росла въ лѣсу глухомъ.

Сошлись мы въ поздній часъ
Межъ уличныхъ огней,
И страсть взманила насъ
Отъ шума и людей.

Смѣялся въ хрусталѣ
Янтарный бѣсъ вина,
Свѣтъ гасъ и въ теплой мглѣ
Мы были два звена.

Я вкрадчиво шепталъ,
Какъ шепчетъ вѣтерокъ,
Я нѣжно цѣловалъ,
Я зналъ, она цвѣтокъ.

Мелькнула сказкой ложь,
Вновь улица, разсвѣтъ...
Спросилъ я: «ты придешь?»
Сказала: «да», какъ «нѣтъ».

Digitized by Google

ДОЧЬ ГОРОДА.

Когда затихнетъ городъ гулкій,
Она, дочь бездны городской,
Сойдетъ въ кривые переулки
Съ плаката модной мастерской.

На перекресткѣ, молча, станетъ
И какъ судьба подстережетъ,
Полночный взглядъ ея заманитъ
И черной молніей зажжетъ.

На мигъ преступишь въ знойномъ чудѣ
Заклятье стѣнъ и смѣхъ колесъ,
Цѣлуя дерзостныя груди
И шелкъ дурманящихъ волосъ.

Но глянетъ утро изъ тумана
Въ заголубѣвшее окно,
Поймешь, что сердце было пьяно
И лживымъ сномъ обольщено.

Къ степнымъ просторамъ нѣтъ возврата,
Не будетъ солнечныхъ побѣдъ,
Смотри, опять она съ плаката,
Смѣясь, кричитъ тебѣ во-слѣдъ.

Digitized by Google

КАЛѢКА.

Я видѣлъ мальчика безъ ногъ.
Надъ жизнью злѣе нѣтъ насмѣшки.
Рукой, толкая колесо,
Катился мальчикъ на тележкѣ.

Была весна, былъ яркій день.
Казалось, каждый—смѣлъ и воленъ.
Пестрѣла жизнь и гулкій звонъ
Широко падалъ съ колоколенъ.

Казалось, счастье близко всѣмъ,
И, какъ невидимая птица,
Трепещетъ въ ласковыхъ лучахъ,
И отъ того такъ свѣтлы лица.

Лишь на мгновенье кто-нибудь
Склонялся въ сдержанной тревогѣ,
И мягко падали грачи
На искалѣченныя ноги.

Самодовольные лжецы,
Что всѣ алмазы и червонцы?

Digitized by Google

Полузавядшему цвѣтку,
Цвѣтку, погибшему для солнца.

И даже лучшій даръ—любовь,
Святое счастье человѣка,
Не примиритъ его съ судьбой.
Онъ не у жизни — онъ калѣка.

Digitized by Google

ЧАСОВЩИКЪ.

Кто вѣчность раздѣлилъ и выдумалъ часы,
Кто силою минутъ связалъ безумье сновъ,
Кто жизнь связалъ и бросилъ на вѣсы,
Того кляну проклятьемъ всѣхъ вѣковъ.

Кто-бъ ни былъ ты, коварный часовщикъ,
Не могъ ты запретить безвременныхъ путей,
Для вѣрящихъ—любовь какъ безконечный мигъ,
И, какъ всегда, безпеченъ смѣхъ дѣтей.

Я пьянъ собой, я смѣю превозмочь
Возвратный часъ разсудка моего,
Въ добрѣ и злѣ, ровняя день и ночь,
Я здѣсь и тамъ для всѣхъ и для всего.

Хотя твой взоръ былъ дьявольски жестокъ
И за предѣлъ предѣльнаго проникъ,
Но въ злобномъ торжествѣ всему, назначивъ срокъ,
Ошибся ты, коварный часовщикъ.

Digitized by Google

* * *

Смѣхомъ каменнымъ, мглою желѣзной
Замыкаются ужасы дня.
Каждый мигъ я ступаю надъ бездной
И она отвергаетъ меня.

Опьяняюсь безстыдствомъ хотѣній,
Сѣю зло и, хуля имена,
Клевещу на великія тѣни,
Но во мнѣ въ глубинѣ тишина.

Чтобъ изсыпаться чашею звѣздной,
Въ жаждѣ мрака разсудокъ кляня,
Каждый мигъ я ступаю надъ бездной,
И она отвергаетъ меня.

Digitized by Google

ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Въ моей пещерѣ два дракона:
Одинъ покой мой стережетъ,
Другой незыблемое лоно
Никѣмъ не зримыхъ, темныхъ водъ.

Когда, скрывая отдаленье,
Нѣмая ночь сгущаетъ мглу,
Они вытягиваютъ звенья
И выползаютъ на скалу.

И я, властитель ихъ суровый,
За ними тихо выхожу,
И каждый разъ съ тоскою новой
Считаю звѣзды, и слѣжу.

Вѣка смѣняются, какъ миги,
И, безнадежность затая,
Вникая въ смыслъ небесной книги,
Судьбу судебъ читаю я.

Когда же солнце шлетъ на склоны
Намеки ясности дневной,
Спѣшу назадъ я, и драконы
Вползаютъ медленно за мной.

Digitized by Google

ПѢСНЯ КРОВИ.

Ровно въ полночь я пришелъ,
Сѣлъ за гробъ къ нимъ, за ихъ столъ.

Какъ всегда ихъ было трое:

Смерть, король—гнилой старикъ
И веселый гробовщикъ.

Они пѣли пѣсню крови,

Пѣсню, сложенную мной.
Смерть сказала: Пей и пой!

Ложе бѣлое готовь,
Жди, на ложѣ будетъ кровь!

Жди, женихъ твой постучится,

Ты свѣтильникъ погаси,
Тайну въ тайнѣ принеси!

Тайна въ тайнѣ воплотится.

Digitized by Google

Ложе бѣлое готовь,
Жди, на ложѣ будетъ кровь!»

Смерть косила пьяный взглядъ
И кивала пѣснѣ въ ладъ.

Распахнулъ король порфиру,

Онъ гнусилъ и, хмуря лобъ,
Билъ тяжелымъ кубкомъ въ гробъ.

«Тайна въ тайнѣ воплотится»

И веселый гробовщикъ
Каркалъ, высунувъ языкъ.

Digitized by Google

БАРАБАНЩИКЪ.

Вѣкъ за вѣкомъ—злой обманщикъ,
Что мнѣ вѣчность,—мигъ мнѣ данъ,
И, веселый барабанщикъ,
Бью я въ гулкій барабанъ.

Если горе въ дверь заглянетъ,
Вотъ вино, а вотъ стаканъ.
Море вышью я, и грянетъ
Полнымъ смѣхомъ барабанъ.

Пусть любовь сожжетъ измѣна,
Свѣтъ розовый туманъ,
Сердце вырвалось изъ плѣна—
Бей свободу, барабанъ!

Смерть—безносая старуха,
Часъ твой гаданъ былъ и жданъ!
Здравствуй,—медленно и глухо
Встрѣчу смерти, барабанъ.

Ѣшь, несытая утроба!
Что мнѣ вѣчность,—мигъ мнѣ данъ.
И въ могилѣ въ крышку гроба
Буду бить, какъ въ барабанъ.

Digitized by Google

ПѢСНЯ ПЬЯНИЦЪ.

Хорошо въ подвалѣ нашемъ,
Столъ, скамьи, да бочекъ рядъ;
День и ночь поемъ и пляшемъ,
И часы, какъ сны, летятъ.

Смерть стучится костылемъ,
А пока живется, пьемъ.

Нѣтъ у насъ пустыхъ различій,
Честь для каждаго одна,
И для всѣхъ одинъ обычай:
Если пьешь, то пей до дна.

Смерть стучится костылемъ,
А пока живется, пьемъ.

Быстро молодость увянетъ,
Будетъ горько и смѣшно,
Что намъ старость, лучше станетъ
Постарѣвшее вино.

Смерть стучится костылемъ,
А пока живется, пьемъ.

Digitized by Google

Не клянемъ мы жизнь напрасно,
Рай данъ пьяницамъ въ удѣлъ,
Съ Ноя все идетъ прекрасно—
Ной былъ первый винодѣлъ.

Смерть стучится костылемъ,
А пока живется, пьемъ.

Что бормочетъ о свободѣ
Хитрый сплетникъ Сатана,
Эта сказка въ старомъ родѣ,
Нѣтъ свободы безъ вина.

Смерть стучится костылемъ,
А пока живется, пьемъ.

Лѣтомъ снѣгъ, зимой цвѣточки,
Насъ ничто не удивитъ,
Коль упалъ съ любимой бочки,
Значитъ, умеръ, или спитъ.

Смерть стучится костылемъ,
А пока живется, пьемъ.

Хорошо въ подвалѣ нашемъ,
Столъ, скамьи, да бочекъ рядъ;
День и ночь поемъ и пляшемъ,
И часы, какъ сны, летятъ.

Смерть стучится костылемъ,
А пока живется, пьемъ.

Digitized by Google

ПОЭТЪ.

Есть слова изъ лазури и свѣта,
Если ты ихъ подслушалъ, постигъ,
И сгораешь безумьемъ поэта—
Ты великъ, ты надмірно-великъ.

Въ тусклыхъ будняхъ, въ размѣренной пляскѣ
Закружились живой съ мертвецомъ,
И, какъ шутъ въ размалеванной маскѣ,
Въ ладъ имъ дьяволъ трясетъ колпакомъ.

Пусть плѣненный, но все-же крылатый,
Ихъ сторонится блѣдный поэтъ.
Ризы солнца—восходы, закаты,
Не коснутся васъ, будничныхъ, нѣтъ...

Не причастны вы гордымъ утѣхамъ,
Не брататься вамъ съ бурей, шутя,
Не смѣяться серебряннымъ смѣхомъ,
Какъ смѣются поэтъ и дитя.

Digitized by Google

Вамъ не пить изъ пылающей чаши,
Изъ мучительной чаши любви;
Ваши мысли, какъ будто, не ваши,
Непонятно вамъ слово—«живи».

Если-бъ поняли, стало бы ясно,
Что не мигъ и не тысячи лѣтъ.
Что прекрасное—вѣчно прекрасно,
И что царь надъ прекраснымъ—поэтъ.

Digitized by Google

САТАНАИЛЪ.

Властитель свергнутъ, рай сожженъ,
Дыханьемъ смерти вѣчность вѣетъ,
Былая жизнь, какъ смутный сонъ,
Земля пуста и цѣпенѣетъ.

Гдѣ вѣтеръ тучи проносилъ,
И океанъ шумѣлъ угрюмый,
Отягощенъ предвѣчной думой,
Въ тоскѣ поникъ Сатанаилъ.

Земля пуста и на горахъ
Царитъ унынiе глухое,
И солнце въ дымныхъ небесахъ
Заходитъ, кровью налитое.

Взмахнулъ крыломъ Сатанаилъ,
Взмахнулъ и медленно поднялся,
Холоднымъ смѣхомъ засмѣялся
И взглядомъ солнце погасилъ.

Digitized by Google

DIES IRAI.

День гнѣва Божьяго, день пытокъ,
Его ничто не отвратитъ;
Совьется небо, будто свитокъ,
И запредѣльность обнажитъ.

Вострубятъ въ огненныя трубы
Четыре огненныхъ гонца,
И явитъ смерть, оскаливъ зубы,
Черты безглазаго лица.

Промчится вихрь огня и сѣры,
И запылаютъ города,
И будетъ жажда свыше мѣры,
Но претворится въ кровь вода.

Въ протяжный ревъ бездонной груди,
Сольются плачъ и голоса,
Бѣгутъ въ великомъ страхѣ люди
Въ долины, горы и лѣса.

Но всякій злакъ источитъ яды,
И станетъ тягостно дышать,

Digitized by Google

Изъ норъ повыползутъ всѣ гады,
И будутъ жалить, и кусать.

Слетятся яростныя птицы,
Желѣзный клювъ, желѣзный крикъ.
И солнце въ дымной власяницѣ
Замедлитъ ходъ и скроетъ ликъ.

Вскипятъ моря и рухнутъ горы,
Покинутъ гробы мертвецы,
И грянутъ ангельскіе хоры
Хвалу Христу во всѣ концы.

Грядетъ Онъ, молнійный, со-славой,
Неизбѣжимъ, неумолимъ,
И звѣрь, багрянный, семиглавый,
Въ послѣдній разъ сразится съ нимъ.

Digitized by Google

ВЪ ВИТРИНѢ.

Подъ вывѣской: «желѣзныя издѣлья»,
Стоялъ Христосъ, поникшій за стекломъ,
А рядомъ Вакхъ, исполненный веселья.

И было странно видѣть ихъ вдвоемъ
Среди замковъ, ножей, щипцовъ, печатей.
Невольно мысль твердила о былом:

«Суровость подвига Христовыхъ ратей,
И нагота смѣющихся боговъ,
Разгулъ пировъ, и каменность распятій».

Два міра, за отсталостью вѣковъ,
У третьяго на выставкѣ въ продажѣ,
Христосъ для кладбищъ, боги для садовъ.

Вѣка, что версты, нѣтъ и вновь на стражѣ.
Телѣга жизни—стой! Куда-жъ теперь?
Съ какими пѣснями? Съ какой поклажей?

Digitized by Google

О, человѣкъ—прекрасный бѣлый звѣрь,
Не вѣрю я мѣтѣ твоихъ скитаній,
Не вѣрю я, и говорю: «не вѣрь».

Когда-бъ одно изъ тысячъ изваяній,
Запечатлѣвшихъ плоть твою и кровь,
Осталось цѣльнымъ на пути исканій!

Когда-бъ одна великая любовь,
Иль мысль одна незыблемой осталась!
А ты все ищешь и находишь вновь.

Иль мало сновъ и призраковъ распалось?
Воскресни, звѣрь, и, солнце возлюбя,
Отвергни все, что божескимъ казалось,

Чтобъ впредь въ богахъ не продавать себя.

Digitized by Google

ВЪ КИНЕМАТОГРАФѢ.

Жизнь на квадратѣ полотна
Мелькаетъ мертвенно и слѣпо,
Отражена, повторена
И въ завершенности нелѣпа.

Ряды внимательныхъ головъ
И ворожащій лучъ надъ ними,
А гдѣ-то въ дверь, какъ вѣчный зовъ,
Доноситъ взлетами глухими
Шумъ экипажей и шаговъ.

На мигъ прихлынувшая тьма,
И снова лучъ сплетаетъ чары:
«Парижъ, Нью-Іоркъ, скользятъ дома,
Мосты, бассейны и бульвары.

Египетъ въ солнечномъ огнѣ,
Александрія, виды Нила».
Вдругъ встала тѣнь на полотнѣ

Digitized by Google

И пирамиду заслонила,
Смѣшно и смутно... Сонъ во снѣ.

Антрактъ аншлагомъ возвѣщенъ,
Со стѣнъ блеснули змѣйки свѣта
И зашипѣвшій граммофонъ
Запѣлъ избитые куплеты.

Digitized by Google

ЗВѢРИ.

Мнѣ снился пиръ чудовищныхъ звѣрей.
Я возлежалъ, какъ царь, на этомъ пирѣ,
И кубокъ съ кровью былъ въ рукѣ моей.

Живыя нежити въ подлунномъ мірѣ
Незримые они вездѣ, всегда
Имъ имя «легіонъ», но ихъ четыре.

Они ростятъ и рушатъ города,
Селятъ безумье, сѣютъ преступленья
Въ пожарѣ душъ, сгорая безъ слѣда.

Одинъ—багрянный, голова тюленья,
Животъ отвисъ, шесть крыльевъ, три хвоста,
На длинныхъ лапахъ золотыя звенья.

Другой, съ клыкомъ торчащимъ изо-рта—
Змѣиноногъ, на черный шаръ похожій
Съ изображеньемъ бѣлаго креста,

Digitized by Google

А третій—желтый, съ ноздреватой кожей,
Съ двѣнадцатью глазами безъ зрачковъ,
Онъ былъ всѣхъ больше и глядѣлъ всѣхъ строже,

Четвертый же, имѣвшій семь роговъ,
Былъ цвѣта яшмы съ пастью крокодила,
И съ туловищемъ сросшихся двухъ львовъ.

Громадный залъ былъ черенъ, какъ могила,
Утверждена на трехъ витыхъ столбахъ,
Пылавшая жаровня намъ свѣтила.

Мы возлежали на рѣзныхъ гробахъ,
Кричали нутряными голосами.
Алѣла кровь на кубкахъ и губахъ

И капала тяжелыми слезами.

Digitized by Google

МЛАДЕНЦЫ.

Цвѣты любви на вѣчной грани,
Гдѣ жизнь и смерть—лишь «да» и «нѣтъ»,
Цвѣты любви, слѣжу заранѣ,
Вашъ смѣлый, царственный разцвѣтъ.

Вы, какъ звѣреныши у груди,
Еще невиннѣе во-снѣ,
Въ васъ, воскресающіе люди,
Ужъ бродитъ мысль, какъ хмель въ винѣ.

Предвосхищаю цѣльность вашу,
Когда подъ кровлей голубой
Вы землю, солнечную чашу,
Смѣясь, наполните собой.

Сольются вѣчность и мгновенье,
Сольется съ бездной высота,
Безумнымъ будетъ дерзновенье,
И ослѣпительной мечта.

Не все-ль равно, какія цѣли?
Будь смѣлъ и дай себя увлечь.

Digitized by Google

Изъ бѣлоснѣжной колыбели
Всѣмъ суждено въ могилу лечь.

Мать, улыбнись, дитя уснуло,
Лучемъ весны озарено.
Кто ты? Христосъ, иль Калигула?
Спи, мирно спи, не все-ль равно.

Digitized by Google

* *
*

Среди суетни городской,
Изнывъ въ отчужденьи безмолвномъ,
Все чаще я внемлю душой
Далекимъ, узывчивымъ волнамъ.

Здѣсь пыль и удушливый зной,
Здѣсь смутно-гнетущія стѣны,
А тамъ дуетъ вѣтеръ сырой
Съ простора сверканій и пѣны.

Здѣсь встрѣчный, коснувшись плеча,
Не смѣетъ взглянуть безъ утайки,
А тамъ грабятъ море, крича,
Отъ брызгъ захмелѣвшія чайки.

Какъ слились тамъ небо и шумъ
Растущихъ, смятенныхъ прибытій;
О сколько непытанныхъ думъ
И радостныхъ дѣтскихъ открытій!

Какъ жаль мнѣ себя и васъ всѣхъ,
Еще не успѣвшихъ изжиться.
Какъ жутко мнѣ слышать вашъ смѣхъ
И видѣть довольныя лица.

Digitized by Google

* *
*

Я отзвукъ шумнаго прибоя,
Рождаясь гордо и тревожно,
Я между скалъ ищу покоя,
И въ даль бѣгу, прощаясь ложно.

Во мнѣ все вѣчное ничтожно,
Во мнѣ безсилье роковое,
Я, говорящій: «Все возможно»,
Я—отзвукъ шумнаго прибоя.

Digitized by Google

* *
*

Ставъ на краю скалы крутой
съ безвременьемъ во взорѣ,
Онъ взялъ шипящую змѣю изъ чаши золотой
и бросилъ въ море.

Волна, метнувшись на скалу, разбилась
въ пыль и пѣну,
И шли за ней, качая мглу,
одна другой на смѣну.

Оставивъ чашу на скалѣ,
онъ въ шумныхъ городахъ явился вскорѣ
И по землѣ сталъ сѣять страхъ
съ безвременьемъ во взорѣ.

Digitized by Google

МАСКАРАДЪ.

Безъ масокъ, какъ въ маскахъ, а лица все тѣ же,
Которыя зналъ и любилъ;
И встрѣчи, какъ прежде, то чаще, то рѣже,
Но вѣрить нѣтъ силъ.

Мишурны, крикливы все снова и снова,
Одни за другими, туда и сюда,
Намѣренность взгляда, оторванность слова,
Безсильное «нѣтъ» и невѣрное «да».

Слѣжу и теряюсь въ оттѣнкахъ и краскахъ,
Кого-то ищу и зову,
Все снова и снова безъ масокъ, какъ въ маскахъ,
Какъ сонъ на яву.

Digitized by Google

* * *

Я въ глубинѣ безчисленныхъ зеркалъ,
Измученный безцѣльностью движеній,
Я, въ ужасѣ, бѣгу по плитамъ сонныхъ залъ,
Бѣгу отъ мертвыхъ отраженій.

Вездѣ обманчивость сближеній,
Вездѣ разрозненность загадочныхъ началъ,
Я здѣсь, я тамъ, я въ вихрѣ превращеній,
Я въ глубинѣ безчисленныхъ зеркалъ.

Digitized by Google

ЛОЖЬ.

Заперъ я двери и все отошло:
Улица, женщины, шумъ и огни.
Дьяволъ раздумья, смѣющійся зло,
Дьяволъ раздумья—мы снова одни!

Мысль, какъ умѣлый, отточенный ножъ.
Жизнь эту, мертвую, весело вскрыть
Сердце ея—неизбывную ложь,
Весело сердце ея обнажить.

Свѣтлый ребенокъ о Богѣ спросилъ:
«Гдѣ онъ?» и я отвѣчалъ: «въ небесахъ»,
Зная весь ужасъ и холодъ могилъ,
Зная предсмертный, мучительный страхъ.

Женщинѣ-сказкѣ, лазурной мечтѣ,
Клялся я вѣчностью, солнцемъ, душой,
Зная, что завтра же, гадъ въ темнотѣ,
Этой пресытясь, я буду съ другой.

Съ крикомъ «Свобода», въ пылу баррикадъ,
Слѣпо ступая на трупы и въ кровь,
Въ сердцѣ твердилъ я безпеченъ и радъ:
—«Было не разъ и не разъ будетъ вновь».

Digitized by Google

Ложь многоликая, пестрая ложь
Пляшетъ, хохочетъ, рыдаетъ, клянетъ.
Каждый на вздорную куклу похожъ,
Въ каждомъ пружина и хитрый заводъ.

Кто-то завелъ и забылъ навсегда.
Вѣчно, безцѣльно,—впередъ и назадъ,
Эти сломались, другимъ череда,
Ловко придумано: «жизнь автоматъ...

Ложь двухсторонняя, цѣльная ложь,
Маска подъ маской и такъ безъ конца.
Тщетно, безумецъ, ихъ всѣ не сорвешь.
Если бъ сорвалъ—не увидѣлъ лица...

Лгите же смѣло, уставшіе жить,
Каждый солгалъ уже тѣмъ, что живетъ...
Правды не выдумать, лжи не убить,
—«Рыцарь мой добрый, слѣпой Донъ-Кихотъ»!

Digitized by Google

СЕМЬ.

Вновь городомъ туманнымъ
Я шелъ и звукъ шаговъ
Былъ не моимъ и страннымъ
Въ тиши пустыхъ домовъ.

Свершивши роковое,
Все умерло давно,
И солнце, какъ большое,
Кровавое пятно.

Ужъ гаснулъ свѣтъ упорный
Закатной полосы;
На площади соборной
Взглянулъ я на часы...

Шепнуло что то: «Мимо»
Изъ улицъ кралась темь;
А стрѣлка недвижимо
Показывала семь.

Невыданной болью
И ужасомъ объятъ,
Взбѣжавъ на колокольню,
Ударилъ я въ набатъ.

Digitized by Google

ЖЕНЩИНАМЪ.

Много васъ было, даривших̀ъ весну,
Много васъ было, ласкавших̀ъ, томивших̀ъ,
Вдругъ отдававшихся яркому сну
И за измѣну измѣной платившихъ.

Бросилъ я смятые ваши цвѣты
И, вдохновенный, иду безъ дороги,
Въ край вѣчно-юной, иной красоты,
Въ край, гдѣ смѣются лучистые боги.

Вы, увлекавшія въ тьму наготой,
Вы, научавшія темнымъ шептаньемъ,
Если бъ вы знали, что я, вамъ чужой,
Пьянъ былъ не вами, а вѣчнымъ исканьемъ.

Ваши тѣла—гордо пройденный мостъ.
Каждое было сладчайшею пыткой,
Чувствовать тѣло и быть выше звѣздъ,
Быть необъятнымъ и лишнуть улиткой.

Digitized by Google

ЕВИНЪ ЗМѢЙ.

Бѣги, бѣги отъ искушенья,
Онъ дьяволъ въ маскѣ—Евинъ-Змѣй,
Сейчасъ онъ вкрадчивѣй смиренья,
Но чѣмъ желаннѣй, тѣмъ смѣлѣй.

Его глаза, какъ два сапфира
Цвѣтъ неба, но и небо лжетъ,
Съ нимъ радость солнечнаго пира,
Но солнце... солнце въ тьму ведетъ.

Бѣги, бѣги отъ искушенья,
Не тѣло, нѣтъ, твоя мечта
Пусть будетъ каждое мгновенье,
Какъ ризы ангела, чиста.

Digitized by Google

ПИЛИГРИМЪ.

День зноенъ; жаждою томимъ,
Объ острія изранивъ ноги,
Прилегъ усталый пилигримъ
На жаркій камень у дороги.

Когда-бъ забыть и отдохнуть!
Но боль души необорима.
Въ путь искупленья, долгій путь,
Влечетъ всечасно пилигрима.

Вздохнулъ и всталъ. Опять костыль
Стучитъ уныло по дорогѣ,
Какъ душитъ каменная пыль,
Какъ тяжело ступаютъ ноги.

Digitized by Google

ВИКТОРУ ГОФМАНУ.

На время смолкшій, временно унылый,
Ты скрытно молишься надзвѣздной тишинѣ,
Чтобъ вновь запѣть съ удвоенною силой,
Чтобъ вновь запѣть о безразсудномъ днѣ.

Заранѣ шлю привѣтъ твоей веснѣ,
Хочу слѣдить полетъ твой огнекрылый,
Тебя я понялъ, ты сталъ ближе мнѣ,
На время смолкшій, временно унылый.

Digitized by Google

ТОЛПА.

Сегодня Цезарь, завтра сынъ народа,
Палачъ и вождь... толпа—всегда толпа.
Ея свобода—рабская свобода.

Толпа въ своемъ стремленіи слѣпа,
Великое теряется въ ней скоро,
Какъ въ морѣ шумномъ легкая щепа.

Пожаръ толпы, слѣпительный для взора,
Коль хочешь, можешь каплей потушить.
Дай басню ей занятную для спора.

Чтобъ вновь зажечь, сумѣй толпѣ польстить,
Потомъ ударивъ, какъ вола въ работѣ,
Довѣрь ей умереть, иль побѣдить.

Толпа—раба и вы въ своемъ полетѣ,
Великіе безумцы черныхъ дней,
Зачѣмъ ее, къ какой чертѣ влечете?

Digitized by Google

Толпа! Есть путь, вѣрнѣйшій изъ путей.
Возьми камней, кляня и прославляя,
Побей пѣвцовъ, пророковъ и вождей.

И, какъ на волнахъ, на себѣ качая,
Ихъ трупы вознеси ты на костеръ;
Погибни съ ними, гордая, святая!

Такъ ты искупишь давній твой позоръ.

Digitized by Google

ВЪ ОГОНЬ.

Петру Пильскому.

Разрушимъ все во имя разрушенья!
Нѣтъ выше красоты и силы нѣтъ сильнѣй!
Провижу день великаго смѣшенья
Кровавыхъ дьяволовъ, младенцевъ и звѣрей.

Добро и зло—изношенныя маски.
Что ваши пѣсни, груды вашихъ книгъ?
Все всѣхъ вѣковъ за часъ безумной пляски,
За этотъ вѣчность воплотившій мигъ.

Вѣнецъ мнѣ—солнце, символъ гордой страсти,
Мой мечъ—безумье, смерть—мой ярый конь.
За мной, за мной, безвластники во власти,
Въ огонь!

Digitized by Google

НА КАНАТѢ.

Между двухъ высокихъ башенъ
Протянулъ тугой канатъ.
Вамъ, внизу стоящимъ, страшенъ
Мой нечаянный закатъ...

Я же, вольный, дерзновенно
Между безднами иду,
Улыбаюсь вдохновенно
И танцую на ходу.

Пестрый шутъ съ двумя горбами,
Я въ мой полдень выше всѣхъ.
Я несу святое пламя;
Это пламя—вѣщій смѣхъ.

Я, безумный, я, великій,
Хмелѣнъ солнечной мечтой.
Солнце, братъ мой огнеликій,
Дай твой посохъ золотой.

Что мнѣ башни? Что мнѣ горы?
Выше грезится закатъ.
Черезъ синіе просторы
Протяну я мой канатъ.

Digitized by Google

МАСКА.

Жизнь—безумная потѣха,
Взвейся бубенъ огневой,
Блескомъ солнечнаго смѣха
Зазвени надъ головой.

Солнце—маска. Пусть подъ маской
Міроборческая ночь,
Пусть приходитъ... Встрѣчу съ пляской.
Черной смерти крикну: «Прочь!»

Раззожгу костеръ послѣдній,
Запылаетъ вихревой;
И, чѣмъ ярче, тѣмъ побѣднѣй,
Я ударю въ бубенъ мой.

Солнце—маска золотая;
Отъ тебя не отрекусь.
Шутъ твой вѣренъ, умирая,
Съ красной смертью обручусь.

Жизнь—безумная потѣха,
Взвейся, бубенъ огневой,
Блескомъ солнечнаго смѣха
Зазвени надъ головой.

Digitized by Google

СМѢХЪ.

Я къ вамъ взывалъ, но зовъ вчерашній
Былъ глухъ, а башня высока;
Сегодня вышелъ я изъ башни,
И пѣсня вольная звонка.

Пою и въ бубенъ ударяю.
Мой бубенъ—солнце, бубенъ—смѣхъ.
Кто злой, кто добрый, я не знаю.
Мнѣ все равно... Пою для всѣхъ.

Забавой огненной потѣшу
И, уходя, оставлю знакъ.
На главной площади повѣшу
На древкѣ красный мой колпакъ.

Для всякой мудрости онъ годенъ,
Смѣшная жизнь, какъ онъ, пуста.
Уйду и снова міръ свободенъ
Для пѣсенъ новаго шута.

Digitized by Google

КРАСНЫЯ ПѢСНИ

Digitized by Google

Digitized by Google

ТРИ ВОРОНА.

Облака надъ степью
Мѣсяцемъ разорваны.
На курганѣ голомъ
Задремали вороны.

И увидѣлъ первый:
Снѣгъ, землянки скрытыя...
Выстрѣлы и стоны...
И лежатъ убитые.

А второй увидѣлъ:
Улицы изрытыя...
Выстрѣлы и стоны...
И лежатъ убитые.

И увидѣлъ третій:
Избы непокрытыя...
Выстрѣлы и стоны...
И лежатъ убитые.

Заалѣло небо
Въ разныя три стороны,
За поживой сытной
Полетѣли вороны.

Digitized by Google

* * *

Никто не ждетъ, никто не знаетъ,
Что ужасъ будетъ явленъ вновь.
О мщеньи яростномъ взываетъ
Недавнихъ жертвъ святая кровь.

Въ тотъ день, сойдясь подъ краснымъ флагомъ,
Мы съ пѣсней кинули заводъ,
Изъ переулка спѣшнымъ шагомъ
На перерѣзъ намъ вышелъ взводъ.

Былъ залпъ. Передніе смѣшались.
Товарищъ мой лежалъ ничкомъ,
И мнилось, дьяволы смѣялись
Злорадным̀ъ, гаденькимъ смѣшкомъ.

Ихъ зубы, не штыки, блестѣли,
И барабанщикъ не былъ пьянъ,
Нѣтъ, это смерть въ его шинели
Усердно била въ барабанъ.

И вотъ опять никто не знаетъ,
Что ужасъ будетъ явленъ вновь.
О мщеньи яростномъ взываетъ
Недавнихъ жертвъ святая кровь.

Digitized by Google

ВЪ ТУ НОЧЬ.

Мы были прокляты судьбой,
И шли невѣрными шагами,
Нашъ песъ понурый и худой
Тащился, нехотя, за нами.

Нависнувъ низко облака,
Клубили темныя волокна,
Навстрѣчу намъ издалека
Ползли загадочныя окна.

Мнѣ что-то чудилось едва,
Чему противилось сознанье.
Намъ были тягостны слова,
И было трудно длить молчанье.

Вдругъ песъ завылъ и побѣжалъ.
Мой крикъ упалъ на полусловѣ,
На троттуарѣ трупъ лежалъ
Лицомъ въ пятнѣ застывшей крови.

Еще одинъ. Сыны земли,
Когда же цѣпи распадутся?
Остановились, обошли...
И шли, не смѣя оглянуться.

9 января 1905 г.

Digitized by Google

ЗАКЛЯТЫЕ.

Гудокъ, протянувъ до высотъ,
Палъ, какъ стонъ изъ надорванной груди.
Изъ каменной пасти воротъ
Выходятъ заклятые люди.

Рубахи и лица у всѣхъ
Потно-грязны отъ нефти и печи.
Непонятно звучитъ мнѣ ихъ смѣхъ,
Будятъ жуткость ихъ мирныя рѣчи.

Я знаю безплодность заботъ
И томлюсь о спасительномъ чудѣ.
Каждый вечеръ изъ пасти воротъ
Выходятъ заклятые люди.

Digitized by Google

О ЖЕЛѢЗНОМЪ ШАХТЕРѢ.

Потерпи, товарищъ, скоро
Будешь сытъ и пьянъ за двухъ.
Про желѣзнаго шахтера
Съ каждымъ днемъ яснѣе слухъ.

Не напрасно въ камняхъ чахъ ты,
Ждалъ и вѣрилъ много лѣтъ.
Онъ насъ выведетъ изъ шахты
На веселый, вольный свѣтъ.

Ноетъ грудь и поясница,
И стоитъ туманъ въ глазахъ.
Полетитъ душа, какъ птица,
Отдохнуть въ родныхъ поляхъ.

Намъ, товарищъ, по дорогѣ,
Оба—пасынки судьбы,
Кто-то встрѣтитъ на порогѣ
Покосившейся избы.

Потерпи еще, братъ, скоро
Будешь сытъ и пьянъ за двухъ.
Про желѣзнаго шахтера
Съ каждымъ днемъ яснѣе слухъ.

Digitized by Google

МУЖИКИ.

Идутъ мужики и несутъ топоры,
Что-то страшное будетъ.
(Достоевскій «Бѣсы»).

Помню, грабили усадьбу,
Ворвались въ притихшій домъ,
Воя, звалъ набатъ на свадьбу
Смерти съ краснымъ пѣтухомъ.

Помню парня безъ рубахи,
Чьи-то бранныя слова,
Хриплый стонъ, топоръ... и съ плахи
Тупо ткнулась голова.

Не забыть ея качанья
На рожкѣ блеснувшихъ вилъ
И мгновеннаго молчанья
Какъ-бы вскрывшихся могилъ.

О безумье! Мнѣ казалось,
Что я гдѣ то вдалекѣ.

Digitized by Google

Помню, дѣвочка смѣялась
Съ куклой въ крошечной рукѣ.

Жгли, и грабили усадьбу,
И трещалъ, и падалъ домъ,
Воя, звалъ набатъ на свадьбу
Смерти съ краснымъ пѣтухомъ.

Digitized by Google

БѢЛЫЙ ВОРОНЪ.

Не обманетъ сонъ вчерашній.
Бѣлый воронъ, знаемъ мы,
Прокричитъ опять надъ башней
Нашей пасмурной тюрьмы.

Прокричитъ и дрогнутъ своды,
Упадутъ замки дверей,
И мы съ пѣснею свободы
Встрѣтимъ солнце новыхъ дней.

Можетъ быть, насъ много ляжетъ
Вмѣстѣ съ стражей у воротъ,
Но, кто выйдетъ, тотъ имъ скажетъ
И, ликуя, поведетъ.

Будутъ выстрѣлы и смѣны,
Явность каждаго лица,
И затмятся въ дымѣ стѣны
Королевскаго дворца.

Не обманетъ сонъ вчерашній.
Бѣлый воронъ, знаемъ мы,
Прокричитъ опять надъ башней
Нашей пасмурной тюрьмы.

Digitized by Google

ВЪ ДОРОГѢ.

Стелется дымъ, колеса стучатъ, стучатъ...
Все дальше, дальше, въ небо и степь,
Колеса стучатъ, стучатъ...
И лязгаетъ цѣпь.

Означился мѣсяцъ молочнымъ серпомъ,
Вечеръ темнѣе, мѣсяцъ яснѣе,
Гонится столбъ за столбомъ,
И рельсы, какъ змѣи.

Городъ, каменный лжецъ, всѣхъ предѣльныхъ предѣлъ,
Да, я не былъ твоимъ, городъ, проклятый мной;
Я о крыльяхъ мечталъ, я, какъ птица, хотѣлъ
Слиться вольной душой съ этой ширью степной.

Вчерашнее страшно и кажется сномъ:
Блѣдныя ручки... «тятя, не надо»...
Дьяволъ съ кровавымъ пятномъ...
И люди какъ стадо.

Стелется дымъ, колеса стучатъ, стучатъ,
Все дальше, дальше, въ небо и степь,
Колеса стучатъ, стучатъ,
И лязгаетъ цѣпь.

Digitized by Google

СВОБОДА.

Есть слово, гордое, изъ яркихъ словъ.
Оно, какъ солнце въ пирный часъ восхода,
На всѣхъ нарѣчьяхъ и для всѣхъ вѣковъ.

Въ устахъ раба, когда онъ вождь народа,
А самовластникъ—сталъ рабомъ раба,
Оно, какъ смѣхъ, оно звучитъ «свобода».

Теперь въ странѣ кровавая алчба;
Вездѣ неправые суды и казни.
И безъ конца гроба, гроба, гроба...

Кто духомъ слабъ, исполнился боязни,
Кто духомъ твердъ, отмщенье затаилъ.
И что ни часъ ликъ злобы безобразнѣй.

Недолго ждать. Избытокъ темныхъ силъ
Найдетъ русло и хлынетъ кровометомъ.
И заблистаетъ въ тучахъ Азраилъ.

Что столько лѣтъ на насъ лежало гнетомъ,
Все съ головою «звѣря» отпадетъ;
Но да не будетъ новому оплотомъ!

Digitized by Google

Есть звѣрь страшнѣй, есть тяжелѣе гнетъ,
Самозамкнутость и влеченье стада,
Гдѣ сытость—все, и человѣкъ, какъ скотъ.

О, если такъ, въ знакъ новаго распада
Я знамя черное высоко подниму,
И возглашу: «свободы имъ не надо,

Всѣ кто со мной, гоните стадо въ тьму!»

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ ПРИРОДѢ

Digitized by Google

Digitized by Google

З Е М Л Я.

Изъ комнатъ, гдѣ безъ лжи немыслимъ разговоръ,
Отъ полустертыхъ лицъ въ табачной мглѣ,
Усталый, я бѣжалъ на солнечный просторъ
К ъ з е м л ѣ.

Ступаетъ грузный волъ, ушами шевеля,
Какъ серебро блестя, врѣзается сошникъ.
И хочется всю жизнь излить въ побѣдный крикъ:
«З е м л я»!

Всегда со всѣми и всегда одинъ.
Всегда во всемъ и отъ всего вдали.
Тамъ былъ я пасынкомъ,—а здѣсь я сынъ
З е м л и.

Digitized by Google

* * *

Какъ хорошо и больно быть поэтомъ!
Стоялъ бы здѣсь вѣками, недвижимъ,
Слѣдилъ бы облака, пронизанныя свѣтомъ,
Надъ моремъ голубымъ.

Какъ чуждо мнѣ здѣсь все, чѣмъ жилъ еще вчера:
Муть ресторанная, столбцы газетъ,
Свѣтъ электрическій и пьяная игра
Съ кричащей улицей, игра на «да и нѣтъ».

Держусь за выступъ царственной скалы,
Вознесшей къ солнцу недоступный гребень.
Дорога внизъ свивается кольцомъ,
Мажары скрипъ, хруститъ подъ нею щебень,

Ступаютъ, нехотя, угрюмые волы,
Кричитъ погонщикъ съ бронзовымъ лицомъ.

Какъ чуждо мнѣ здѣсь все, чѣмъ жилъ еще вчера.
Когда рука въ рукѣ, и къ груди никнетъ грудь,

Digitized by Google

Разсвѣтъ и жесткое привычное: «Пора»
И шопотъ страстный: «Нѣтъ, еще побудь».

Да, хорошо и больно быть поэтомъ!
Стоялъ бы здѣсь вѣками, недвижимъ,
Слѣдилъ бы облака, пронизанныя свѣтомъ,
Надъ моремъ голубымъ.

Digitized by Google

НА ЗАКАТѢ.

Одинъ въ затаенности хмурыхъ палатъ
У ниши, склонясь на ступени,
Въ раздумьи слѣжу я багряный закатъ
И черныя, ждущія тѣни.

Въ тиши этихъ мертвенныхъ шторъ и ковровъ,
Гдѣ все пережитостью свято,
Лишь маятникъ мной заведеныхъ часовъ
Стучитъ, какъ стучалъ онъ когда-то.

Подернувши блескъ, паутина и пыль
Покоятъ давнишній порядокъ,
И чудится смутно-влекущая быль,
Тревожное царство загадокъ.

Въ одно изъ ушедшихъ другъ въ друга зеркалъ,
Замкнувшихся прямо и строго,
Лучъ длинный, какъ золото, ярко упалъ,
И стало ихъ огненно много.

Край солнца все меньше, прощально горитъ
Усталое море заката.
Ждутъ тѣни и маятникъ гулко стучитъ,
Стучитъ, какъ стучалъ онъ когда-то.

Digitized by Google

У ОКНА.

Падаетъ снѣгъ на застывшую грязь.
Деревце гнется, поля за полями,
Хочется что-то сказать мнѣ, смѣясь,
Что-то сказать, что не скажешь словами.

Чудится, ангелы блещутъ вѣнками,
Вяжутъ изъ розъ безконечную вязь.
Нѣтъ это снѣгъ, это снѣгъ надъ полями,
Снѣгъ устилаетъ застывшую грязь.

Digitized by Google

ОСЕННЕЕ.

Засижены стекла,
Полъ терассы блеститъ,
Парусина намокла
И, вздуваясь, дрожитъ.

По бокамъ брызжетъ кадка
И бурлитъ въ желобкѣ.
Каждый листъ, какъ заплатка,
На размытомъ пескѣ.

Вой вѣтра недуждый;
Вѣтеръ просится въ домъ;
На клумбѣ ненужной
Ждетъ неубранный гномъ.

Тамъ зачѣмъ-то двѣ палки
У дорожки торчатъ;
Камнемъ падаютъ галки,
Безнадежно кричатъ.

Плаксиво и мутно
Занавѣсилась даль;
Душа безпріютна
И душѣ себя жаль.

Digitized by Google

БАБА.

Солнце ярко, небо чисто,
Зелень бархатъ-мурава,
Отъ черемухи душистой
Закружилась голова.

«Охъ ни такъ, ни сякъ, не легче,
Какъ дурманомъ валитъ съ ногъ;
Обними меня покрѣпче,
Поцѣлуй меня, милокъ».

Словно змѣи черны косы,
Бѣлы груди жгутъ огнемъ.
«Тише, ѣдутъ»... и колеса
Промелькнули за плетнемъ.

Жаръ ли птица, сердце-ль билось,
День ли, ночь ли, не понять

Digitized by Google

«Охъ я, баба, уморилась,
Ловокъ парень цѣловать».

Смятъ платокъ ея цвѣтистый,
Запотѣли рукава.
Отъ черемухи душистой
Закружилась голова.

Digitized by Google

Я М Щ И К Ъ.

Копна кудрей, сутулъ спиной,
Въ косую сажень шириной,
Онъ погоняетъ коней; бойко
Бѣжитъ, бубнитъ лихая тройка.

Даль замутилась и бѣла
Поземка, гребни намела;
Бросаетъ на ухабахъ валко,
Мелькнетъ верста, метнется галка.

Колоколецъ динъ-донъ, динъ-донъ,
Глаза слипаетъ снѣгъ и сонъ.
Тряхнетъ, очнусь, гляжу на спину,
На снѣгъ, на бѣлую равнину.

Колоколецъ динъ-донъ, динъ-донъ,
Глаза опять смыкаетъ сонъ.
Все гдѣ-то было, было, было...
Слилось, задергалось, поплыло.

Ямщикъ сталъ съ гору, съ версту кнутъ,
А гривы по небу метутъ,

Digitized by Google

Стрѣлою вытянулись шеи,
И все быстрѣе, все быстрѣе.

Не усидѣть, боюсь взглянуть
И не могу передохнуть;
Кнутъ свищетъ, сани все быстрѣе.
«Держись, коль сѣлъ. Гуляй, Рассея!»

Очнулся, что за странный сонъ:
Колоколецъ динъ-донъ, динъ-донъ,
Поземка снѣгъ, гляжу на спину,
На слѣдъ, на бѣлую равнину.

Digitized by Google

* * *

Какъ въ брошенномъ домѣ, въ вечерней тиши
Откуда-то въ даль узывающій звонъ;
Случайному другу томленье души,
Далекаго прошлаго сонъ.

Какъ весной, зацвѣтающій желтый цвѣтокъ,
По дѣтски украсившій голый откосъ,
Случайному другу мой первый намекъ
На близкіе дни новыхъ пѣсенъ и грозъ.

И, какъ огоньку, что влечетъ на угадъ
Вдоль рѣчки въ ночной, затуманенный часъ,
Случайному другу довѣрчивый взглядъ
Еще неувѣренныхъ глазъ.

Digitized by Google

ДѢВА ГОРЪ.

Блѣднѣлъ закатъ и съ моря облака,
Тѣснясь, ползли въ темнѣвшее ущелье,
Сидѣлъ я на скалѣ, была тоска.

Рукою чуткой бередилъ свирѣль я
И мнилось мнѣ, изъ слезъ дневныхъ низалъ,
Изъ звуковъ слезъ, для ночи ожерелье.

Внимали сосны, скалы, тѣни скалъ,
И дѣва горъ, слѣдившая украдкой.
То здѣсь, то тамъ вѣнокъ ея мелькалъ.

Свирѣль звала: повѣй мнѣ грезой сладкой,
Златыя звѣзды тихо засвѣти,
Дай быть душѣ самой себѣ загадкой.

Свирѣль звала и, медля на пути,
Сходила ночь, скрывая отдаленья.
Вдругъ дѣва мнѣ съ улыбкой: «Не грусти».

Digitized by Google

Тогда разбилъ свирѣль я о каменья.
О еслибъ могъ я снова пережить
Мгновенье это, вѣчность за мгновенье!

Жить, жить и жить, высокимъ солнцемъ быть!
А дѣва горъ мнѣ издали со смѣхомъ:
«Свирѣль разбилъ, а душу не разбить».

Я проклиналъ и повторялся я эхомъ.

Digitized by Google

У МОРЯ.

Въ условный часъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ
Бродилъ я вновь и, шуму волнъ внимая,
Слѣдилъ вокругъ и безпокойно ждалъ.

Дулъ сильный вѣтеръ, лунный путь качая,
Спѣша и падая, шелъ за хребтомъ хребетъ,
И пѣна ихъ скользила, какъ живая.

Я тщетно ждалъ, но вкрадчивый разсвѣтъ
Вновь примирилъ меня съ моей печалью;
И море, стихнувъ, измѣнило цвѣтъ.

Обворожен загадочною далью,
Забывъ тебя, какъ лунную мечту,
Я отдался себѣ и безначалью.

И, видя, какъ, взмахнувъ на высоту,
Бѣлѣла чайка, падала мгновенно,
И вдругъ брала добычу на-лету,

Смущался я, и сердце билось плѣнно;
И, какъ-то больно, сладостно томимъ,
Ея крыломъ любуясь вдохновенно,

Хотѣлъ я быть крылатымъ и морскимъ.

Digitized by Google

* * *

Вы, люди, мнѣ—чужіе, я чайкой быть хочу.
Свободный, съ той скалы я взметнусь и полечу.

Обрызганнымъ крыломъ чертя по изумруду,
Днемъ въ блескѣ золотомъ я пьянъ просторомъ буду,

А ночью въ чуткомъ хорѣ задремлю на волнѣ.
Вокругъ все море, море и звѣзды въ вышинѣ.

Digitized by Google

ОБЛАКО.

Т. Васильевой.

Мнится мнѣ, я издалека
Малымъ облакомъ плыву,
И безцѣльно, одиноко
Жизнью облака живу.

Не дала судьба быть тучей,
Грозной тучей вешнихъ дней,
Налети жъ ты, вихрь могучій,
Безъ слѣда меня развѣй.

Digitized by Google

* * *

Помнишь,
Опадали золотые клены,
Была ты королевой, а я твоимъ пажемъ.
Помнишь, ты сказала, будь лучше королемъ,
И мы, сгребая листья, садились, какъ на троны.
Дождь пошелъ и мама позвала съ балкона,
Сказку намъ читала въ уютномъ уголкѣ.
Глядя въ садъ, я слушалъ, бумажная корона
Бѣлѣла на пескѣ...
Скрылась даль за дряблую, сѣрую завѣсу,
Царапали вѣтви по верху окна.
Помнишь эту сказку про злого горбуна,
Какъ въ заклятый замокъ онъ умчалъ принцессу?
Протянулись годы жизни неумѣлой,
Все опять, какъ въ дѣтствѣ, только я не тотъ,
Да и ты не съ радости видно посѣдѣла,
И съ балкона мама насъ не позоветъ.

Digitized by Google

* * *

Въ лунномъ свѣтѣ рѣютъ тѣни,
Вѣтви грустно шелестятъ,
И на мокрыя ступени
Листья желтые летятъ.

Чуть и шорохи паденья,
Запахъ сыри, полумгла,
Странно медлятъ отраженія
Разноцвѣтнаго стекла.

Смутны мраморныя стѣны,
Съ рядомъ бронзовыхъ фигуръ
Дремлетъ фавнъ, молчатъ сирены,
Въ нишѣ спрятался амуръ.

Тихо, зыбко рѣютъ тѣни,
Вѣтви грустно шелестятъ,
И на мокрыя ступени
Листья желтые летятъ.

Digitized by Google

* * *

Шумятъ деревья за окномъ,
Шумятъ и вѣтеръ жутко стонетъ.
То будто онъ кого хоронитъ,
То какъ бы тщетно хочетъ въ домъ.

Темно, давно погасъ каминъ,
Лежу, хочу заснуть, не спится,
Чего то жду и странно мнится,
Что я не здѣсь и не одинъ,

Какъ будто въ тѣсномъ кораблѣ,
Гдѣ надо мною слышны люди,
Ужъ мы давно, въ тоскѣ о чудѣ,
Плывемъ къ невѣдомой землѣ.

Тревожный стукъ, тревожный шумъ,
Неуловимое движенье,
Такое жъ смутное томленье,
И та же слитность быстрыхъ думъ.

Плывемъ, плывемъ... Когда же тамъ
Проглянетъ вѣрное укрытье,
Гдѣ въ свѣтломъ празднествѣ прибытья
Дадимъ мы отдыхъ парусамъ?

Digitized by Google

НА КОЛОКОЛЬНѢ.

Свѣжо, луна застыла въ небѣ,
Вокругъ молчатъ колокола,
Внизу кресты на мирной стражѣ
И кровли соннаго села.

Обрывъ и прудъ зеркально-яркій,
Надъ нимъ семья раздумныхъ ивъ,
Дорога, мостъ черезъ канаву,
А тамъ просторъ луговъ и нивъ.

Какая тишь! Повсюду тѣни,
Ночь все пытливо обняла.
Свѣжо, луна застыла въ небѣ,
Вокругъ молчатъ колокола.

Digitized by Google

РОМАНСЪ.

Шлю вамъ цвѣты любви моей печальной;
Я ихъ собралъ съ покинутыхъ могилъ,
Шлю вамъ съ улыбкою прощальной,
Какъ знакъ всего, чѣмъ безнадежно жилъ.

На склонѣ день и этотъ день послѣдній,
Какъ въ душу мнѣ за тѣнью пала тѣнь.
Послѣдній путь привѣтитъ храмъ сосѣдній,
И старыхъ липъ задумчивая сѣнь.

Чужимъ для васъ звучитъ мой голосъ дальній;
Но все равно—молчать не стало силъ;
Шлю вамъ цвѣты любви моей печальной,
Я ихъ собралъ съ покинутыхъ могилъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

БАЛЛАДЫ И СКАЗКИ

Digitized by Google

Digitized by Google

СЕМЬ ПРИНЦЕСЪ.

За тремя дверями, за тремя замками
Семь принцессъ печальныхъ сторожитъ горбунъ,
Гнѣвно хмуритъ брови и гремитъ ключами,
Отпираетъ двери на ущербѣ лунъ,

И выходятъ дѣвы бѣлой вереницей,
Сходятъ по ступенямъ въ задремавшій садъ.
Улетаетъ первая, обернувшись птицей,
Шесть киваютъ въ слѣдъ ей и спѣшатъ назадъ.

Идутъ галлереей въ мраморную залу,
Зажигаютъ люстры, накрываютъ столъ,
У восьми приборовъ ставятъ по бокалу,
Бѣлыми цвѣтами усыпаютъ полъ,

И, откинувъ кудри, возложивъ короны,
Огибаютъ руки золотомъ браслетъ,
И садятся робкія на рѣзные троны
Въ ожиданьи счастья, или новыхъ бѣдъ.

Въ полночь набѣгаетъ говоръ отдаленный,
Гдѣ-то воскресаютъ перебои струнъ,

Digitized by Google

Слышенъ смѣхъ принцессы, но, не принцъ влюбленный,
Вводитъ ее старый, сморщенный горбунъ.

И срываютъ дѣвы яркія короны,
Въ трепетномъ безсильи гнѣва и тоски,
Съ плачемъ и заклятьями покидаютъ троны,
И уходятъ въ башню, въ башню подъ замки.

Digitized by Google

ШУТЫ.

Шуты короля хоронили,
Гремя бубенцами,
Трясли колпаками,
И въ бубны блестящіе били.
Шуты короля хоронили.

«Король нашъ, король нашъ веселый,
Забавникъ нашъ длинный,
Кто жъ съ пѣсней безчинной
Осушитъ твой кубокъ тяжелый,
Король нашъ — король нашъ веселый».

Шуты короля отпѣвали
И красные двое
Кривлялись и, воя,
Руками могилу копали.
Шуты короля отпѣвали.

«Король нашъ, король нашъ безумный.
Палачъ усмѣхнется,
Тебя не дождется
Палачъ твой на площади шумной.
Король нашъ, король нашъ безумный».

Digitized by Google

Шуты короля хоронили,
Гремя бубенцами,
Трясли колпаками
И въ бубны блестящіе били.
Шуты короля хоронили.

Digitized by Google

ЛЕБЕДИ.

Тягучіе узоры легли на заводь сонную,
По заводи гуляютъ двѣнадцать лебедей,
Царевичъ сходитъ, крадучись, и, съ дрожью затаенною
Любуясь на послѣдняго, не можетъ свесть очей.

На немъ кафтанъ малиновый, расшитый четкимъ
золотомъ,
На немъ сапожки красные и шапка на бекрень.
По грудь осока острая, трещатъ стрекозы легкія,
И, какъ алмазы крупные, вездѣ блеститъ роса.

Плывутъ, гуляютъ лебеди,
Плывутъ, гуляютъ, бѣлые,
Пригожи всѣ двѣнадцать,
Послѣдній краше всѣхъ.

Ихъ выгнутыя груди морщинятъ гладь зеленую,
Разводные отливы колеблются свѣтло.
Царевичъ сталъ подъ ивою, кладетъ стрѣлу каленую,
Прищурилъ глазъ и мѣтится въ точеное крыло.

Но было диво—дивное, взмолился лебедь на небо,
Взмолился дѣтскимъ голосомъ и слезы потекли,

Digitized by Google

Лукъ дрогнулъ и, ослабнувши, стрѣла плеснулась рыбкою,
И разошлись по заводи одинъ въ другомъ круги.

Плывутъ, гуляютъ лебеди,
Плывутъ, гуляютъ, бѣлые,
Пригожи всѣ двѣнадцать,
Послѣдній краше всѣхъ.

Digitized by Google

* * *

При лунѣ на косматомъ конѣ
Выѣзжаю я въ степь на дорогу,
Зову, и, послушные рогу,
Собираются други ко мнѣ.

Безъ конца серебрится ковыль.
Подъ рѣдѣющимъ, сонным туманомъ
Ожила стародавняя быль,
Всколыхнулся курганъ за курганомъ.

Далеко перекатенъ мой зовъ,
Бьютъ копытами ярые кони,
Бряцаютъ тяжелыя брони
И блещутъ верхи шишаковъ.

На морщинистыхъ лицахъ рубцы,
Смотрятъ очи правдиво и смѣло,
Тѣснятся сѣдые бойцы
И, кажется, нѣтъ имъ предѣла.

Отъ гулкаго множества ногъ
Колеблется сила земная
И стонетъ, какъ звѣрь, завывая,
Мой вѣками завѣщанный рогъ.

Digitized by Google

БОГАТЫРЬ.

То темный лѣсъ, то свѣтъ и ширь,
То вязкимъ бродомъ, то оврагомъ
Сѣдой, сутулый богатырь,
Нахмуривъ брови, ѣдетъ шагомъ.

Хвалился князю и гостямъ
И вотъ, предавшись крѣпкимъ думамъ,
Онъ держитъ путь къ семи дубамъ,
Къ семи зеленымъ старошумамъ.

Туда, гдѣ на берегъ крутой
Глухое море плещетъ гнѣвно,
Туда, гдѣ теремъ золотой
И въ немъ заклятая царевна.

Ужъ ѣдетъ витязь много лѣтъ,
Нигдѣ семи дубовъ не видно,
Нѣтъ моря и царевны нѣтъ.
И стало витязю обидно:

«Неладно что-то, конь усталъ,
Давно заржавѣли доспѣхи.

Digitized by Google

Что-жъ князь гостей мной забавлялъ,
Сплелъ небылицу для потѣхи!»

То темный лѣсъ, то свѣтъ и ширь,
То вязкимъ бродомъ, то оврагомъ
Сѣдой, сутулый богатырь,
Нахмуривъ брови, ѣдетъ шагомъ.

Digitized by Google

В Ѣ Д Ь М А.

Она что-то пѣла и жалась ко мнѣ,
И мчались мы долго въ саняхъ расписныхъ,
На бѣшенной тройкѣ коней вороныхъ
Серебряннымъ лѣсомъ при ясной лунѣ.

Морозило крѣпко и пыль изъ подъ ногъ
Колола лицо и пушила коверъ,
Вдругъ въ сумрачныхъ еляхъ сквозь бѣлый узоръ
Призывнымъ намекомъ блеснулъ огонекъ.

И кони свернули и вынесли насъ
На малое поле къ избушкѣ кривой.
За тусклымъ стекломъ огонекъ золотой,
Какъ будто кто дунулъ, мигнулъ и погасъ.

«Что-жъ это»—смущенно промолвилъ я ей.
«Поди, постучи», засмѣялась она.
И только успѣлъ я дойти до окна,
Гляжу и ужъ нѣтъ ни ее, ни коней.

Сталъ звать я, никто не отвѣтилъ на зовъ,
Прислушался, робко доносится-ль бѣгъ.
Лежитъ, какъ алмазы, сверкающій снѣгъ,
Ни звука вокругъ и не видно слѣдовъ.

Digitized by Google

ЦАРЕВНА.

Надъ синимъ моремъ дубъ зеленый,
Подъ дубомъ теремъ златоверхій,
А въ терему краса—царевна.

И день и ночь глядитъ царевна
На перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ,
Глядитъ и горько, горько плачетъ.

Принесъ ей перстень воронъ черный,
Взмахнулъ, вѣщунъ, крыломъ широкимъ,
Взмахнулъ и скрылся въ поднебесьи.

Царевна плачетъ, причитаетъ:
«Зачѣмъ ты, солнце-ведро, всходишь,
Зачѣмъ ты, вѣтеръ, тучи гонишь?

Отъ слезъ не вижу бѣла-свѣта,
И какъ въ ненастье цвѣтикъ вянетъ,
Отъ слезъ краса моя завяла.

Очнись, мой любый, мой голубый,
Во чистомъ полѣ конь твой рыщетъ,
Лихого посвиста не слышитъ.

Digitized by Google

Очнись, мой любый, мой голубый,
Очнись и встань на рѣзвы ноги,
Сядь на коня; скачи быстрѣй.

Ужъ я раскину черны косы,
Возьму тебя на жарки груди
И замилую-зацѣлую».

Царевна плачетъ у оконца,
Шумитъ надъ нею дубъ зеленый,
Внизу о камни море плещетъ.

* * *

Ночной порой по темнымъ волнамъ,
Раскинувъ бороду сѣдую,
Плылъ царь морской, считая звѣзды;

Онъ изъ-за шума слышалъ голосъ
И видѣлъ, старый, какъ царевна
Метнулась съ берега крутого.

Рукой чешуйчатой ударилъ,
До дна буруномъ вспѣнилъ волны,
Увлекъ на дно красу царевну.

Вставало солнце изъ-за тучи,
Въ царевнинъ теремъ заглянуло,
Былъ тихъ и пустъ царевнинъ теремъ.

Digitized by Google

Царевна дверь не притворила,
Пролетомъ вѣтеръ скрипнулъ дверью.
Былъ тихъ и пустъ царевнинъ теремъ.

Дубъ прошумѣлъ зеленымъ шумомъ
И стукнулъ вѣткой надъ оконцемъ.
Былъ тихъ и пустъ царевнинъ теремъ.

* * *

На днѣ морскомъ дворецъ хрустальный,
А во дворцѣ краса царевна,
И царь морской у ногъ царевны.

Вверху то прозелень, то просинь,
Вокругъ все чудища, да рыбы,
Да дѣвы съ рыбьими хвостами.

Царевна спитъ, царевнѣ снится:
«Опять онъ съ нею, соколъ ясный»...—
Все въ серебрѣ смѣется море.

Но лишь пробудится царевна,
На перстень взглянетъ, сонъ свой вспомнитъ,
Слезами жгучими зальется.

И въ гнѣвѣ царь скликаетъ вѣтры,
Вздымаетъ волны словно горы
И корабли за днища ловитъ.

Digitized by Google

* * *

Далеко въ пустынѣ моря
Спятъ глухіе острова,
Тамъ поетъ онъ, волнамъ вторя,
И душа его мертва.

Въ ночи ясныхъ новолуній,
Въ ночи пьяной тишины
Онъ, созвавъ морскихъ колдуній,
Славитъ дѣвственность луны.

Совершаетъ омовенье,
Шлетъ заклятныя слова,
Правитъ чары и служенья,
Но душа его мертва.

Кругомъ въ кругъ проходятъ смѣны,
Каждый обликъ нѣмъ и строгъ,
Волоса, бѣлѣе пѣны,
Клочно падаютъ до ногъ.

На разсвѣтѣ дѣвы моря
Покидаютъ острова,
Вновь поетъ онъ, волнамъ вторя,
И душа его мертва.

Digitized by Google

ПРИЗЫВЪ.

Навѣстите склепъ старинный,
Приходите въ лунный часъ,
Буду ждать и саванъ длинный
Разстелю для васъ...

Прилетятъ сѣдыя совы,
Закачаются кресты,
Тихо встанутъ, снявъ покровы,
Дѣвы мертвой красоты.

Будемъ пѣть о свѣтлыхъ чарахъ
Первой страсти юныхъ дней,
Будемъ виться въ легкихъ парахъ
Въ полусумракѣ вѣтвей.

Приходите, только съ вами
Я могу быть до зари,
Чтобъ взглянуть, какъ за холмами
Загорятся янтари.

Навѣстите склепъ старинный,
Приходите въ лунный часъ,
Буду ждать и саванъ длинный
Разстелю для васъ.

Digitized by Google

* * *

Въ кровавыхъ порфирахъ и въ яркихъ коронахъ,
Какъ прежде случайны и снова одни,
Изъ пропасти въ пропасть, бросая огни,
Мы бѣшенно мчимся на черныхъ драконахъ.

Тамъ гдѣ-то надъ моремъ нашъ замокъ старинный,
Внизу по пути за скалою скала,
На встрѣчу намъ птицы, и вѣтеръ пустынный,
И мгла, безпредѣльная мгла.

Проносятся тѣни въ мгновенныхъ уклонахъ,
Закушенныхъ звеньевъ не держатъ ремни,
Изъ пропасти въ пропасть, бросая огни,
Мы бѣшенно мчимся на черныхъ драконахъ.

Digitized by Google

ЗВѢЗДОЧЕТЪ.

На городъ пыльный, гдѣ весь день жегъ зной,
Упала мгла съ безоблачныхъ высотъ,
И смолкло все. По лѣстницѣ крутой
Взошелъ на башню старый звѣздочетъ.

Вникая въ тайны древнихъ страшныхъ книгъ,
Онъ пилъ лишь воду и ѣлъ черствый хлѣбъ,
Все до конца безтрепетно постигъ,
И сталъ читать судьбу земныхъ судебъ.

Съ боязнью смутной чтилъ его народъ,
Царь у него учился врачевать.
Мудрецъ всѣ бѣды вѣдалъ напередъ;
Но долженъ былъ, какъ каменный, молчать.

Ужъ утромъ вѣяло. Неспѣшною стопой,
Мыча, пошли на выгоны стада.
Вдругъ въ синевѣ, надъ свѣтлой полосой,
Зажглась большая, яркая звѣзда.

И разошлись морщины на челѣ.
Взоръ, полный слезъ, слѣдилъ ея восходъ,
Воскликнувши—«единый на землѣ»—
Упалъ и умеръ старый звѣздочетъ.

Digitized by Google

ПѢСНЯ О БѢДНОМЪ РЫЦАРѢ И СЛѢПОЙ ЛИЗѢ.

Жилъ юный, бѣдный рыцарь,
Дружилъ онъ съ кузнецомъ,
Кузнецъ ковалъ и пѣла
Ему слѣпая дочь.

Росла слѣпая Лиза,
Какъ полевой цвѣтокъ.
Слѣпую Лизу рыцарь
За пѣсни полюбилъ.

Онъ говорилъ ей: «скоро
Уѣду далеко,
Вернусь къ тебѣ богатымъ,
Со славою вернусь».

Уѣхалъ бѣдный рыцарь,
Уѣхалъ далеко;
Но къ Лизѣ не вернулся,
Богатства не привезъ.

Ждала слѣпая Лиза,
И перестала ждать,
И были грустны пѣсни
О миломъ женихѣ.

Digitized by Google

ПРИНЦЕССА.

Принцессѣ подвластна не здѣшняя сила.
У нея на груди талисманъ.
Принцесса влюбленнаго принца склонила
На дерзкій обманъ.

Было въ замкѣ привѣтно и шумно.
Принцъ пѣлъ гордую пѣснь королю
И, вспѣнивши кубокъ, воскликнулъ безумно:
«Съ кѣмъ раздѣлю»?

Странно смутились стоявшіе рядомъ;
Но король имъ кивнулъ головой
И, смѣривъ пѣвца испытующимъ взглядомъ,
Твердо отвѣтилъ: «со-мной»!

Кубокъ былъ выпитъ безстрашно и свято,
Кубокъ былъ выпитъ до дна,
И обнялъ онъ принца, цѣлуя, какъ брата,
И оба сказали: «Она».

Тамъ, гдѣ теперь ихъ могила,
Утромъ принцессу ласкаетъ туманъ.
Ей подвластна нездѣшняя сила,
У нея на груди талисманъ.

Digitized by Google

ШУТЪ.

Жилъ король, въ его подвалахъ
Сундуки не запирались,
Переполнены давно,
А въ дворцовыхъ яркихъ залахъ
День и ночь шуты кривлялись,
И рѣкой лилось вино.

Сгибли тысячи въ работѣ,
Чтобъ была, какъ солнце, пряжка
На кафтанѣ короля.
Въ злыхъ слезахъ, въ крови и потѣ
День и ночь стонала тяжко
Королевская земля.

Межъ шутовъ одинъ горбатый
Всѣхъ забавнѣе кривлялся,
Веселѣе всѣхъ смѣшилъ,
Но, на выдумки богатый,
Онъ веселымъ притворялся,
Онъ глухую месть таилъ.

Месть за братьевъ угнетенныхъ,
Вѣкъ надъ пашнями склоненныхъ,

Digitized by Google

Подъ угрозой и бичемъ,
За неправо-осужденныхъ,
Въ тюрьмы брошенныхъ, казненныхъ
Королевскимъ палачомъ.

На утрѣ изъ залъ веселья,
Будто пьяный, онъ, шатаясь,
Пробирался въ свой подвалъ,
Пилъ изъ травъ волшебныхъ зелья
И, заклятьямъ научаясь,
Книгу черную читалъ.

Разъ король, нахмурясь тучей,
Захотѣлъ отъ пытокъ крови,
И тюремщика позвалъ.
Гнѣвно бросивъ взглядъ колючій
И надменно сдвинувъ брови,
Онъ тюремщику сказалъ:

«Тамъ есть рабъ изъ непокорныхъ
Нашей волѣ и поступкамъ,
За его вороній крикъ,
За суленье дней намъ черныхъ
Бить, и жечь, и этимъ кубкомъ
Злостный вырѣзать языкъ.

Загалдѣли, притащили,
И, гоняя межъ столами,
Жгли, до пятокъ оголя,
Остро съ края наточили
Искро-блещущій камнями,
Древній кубокъ короля.

10

Digitized by Google

Вдругъ погасли въ люстрахъ свѣчи,
Вставши съ факеломъ пылавшимъ,
Сталъ рости горбатый шутъ,
Выше, шире горбъ и плечи,
Горбъ подъ сводомъ, задрожавшимъ...
Взвыли, падаютъ, ползутъ.

Нѣтъ спасенья, все закрыто,
Въ окна бросились, на стѣну,
Въ тѣснотѣ сбиваютъ съ ногъ.
Подъ стѣной, шумя сердито,
Высоко взметая пѣну,
Въ скользкомъ рвѣ бѣжалъ потокъ.

Digitized by Google

МОРСКАЯ ВОЛШЕБНИЦА.

Въ пѣнѣ волнъ скала крутая,
Подъ скалой высокій гротъ;
Въ немъ волшебница морская
День и ночь туманъ прядетъ...

То длиннѣе, то короче,
Волокно за волокномъ,
Блѣденъ ликъ, сомкнуты очи,
Дышетъ грудь тревожнымъ сномъ.

Что ей снится, чѣмъ томится?
Отчего она блѣдна?
Знаетъ вѣтеръ, знаютъ птицы,
Знаетъ каждая волна.

Носятъ молвь, другъ другу вторя,
Но нельзя ее понять,
И волшебной тайны моря
Никому не разгадать.

Все прядетъ... сомкнуты очи,
Дышетъ грудь тревожнымъ сномъ,
То длиннѣе, то короче,
Волокно за волокномъ.

Digitized by Google

НА СТРАЖѢ.

Усталое солнце на склонѣ,
Медленно тонетъ расплавленный щитъ,
Герцогъ, безумный, въ желѣзной коронѣ
У входа въ свой замокъ на стражѣ стоитъ.

Въ замкѣ пустынно,
Чуть шевелится на башнѣ трава,
Тѣни ложатся уродливо-длинно,
Ласточки вьются надъ плѣсенью рва.

Усталое солнце на склонѣ,
Отблескъ рубиновый въ морѣ разлитъ,
Герцогъ, безумный, въ желѣзной коронѣ,
Герцогъ, безумный, на стражѣ стоитъ.

Digitized by Google

ЛУННЫЙ ГОРОДЪ.

Есть за моремъ городъ странный,
Въ заколдованной странѣ,
Бѣлоцвѣтный и туманный,
Затонувшій въ тишинѣ.

Тамъ не гаснетъ неизмѣнный,
Истомленный ликъ луны,
Каждый тамъ, навѣки плѣнный,
Видитъ сладостные сны.

Тамъ часы не мѣрятъ годы,
Не торопятъ ходъ минутъ,
И таинственныя воды
Не дрожатъ и не текутъ.

Тамъ застывшія растенья
Не мѣняютъ высоты,
Тамъ всѣ тѣни безъ движенья,
И безъ жизни всѣ черты.

Путь туда далекъ и страшенъ
Въ шумѣ вѣтра и валовъ,
Мимо трехъ зловѣщихъ башенъ,
Трехъ—змѣевыхъ острововъ.

Digitized by Google

ТРИ ОЖЕРЕЛЬЯ.

Ночью озеро молчитъ,
Мѣсяцъ въ озеро глядитъ,
Лебеди гуляютъ,
Три царевны,-три сестры,
Въ блескѣ мѣсячной игры
Игры затѣваютъ.

Ночью озеро молчитъ,
Мѣсяцъ въ озеро глядитъ,
Тихо серебрится.
Гаснетъ мѣсяцъ на зарѣ,
Говоритъ сестра сестрѣ:
«Намъ пора, сестрицы».

Улетаютъ въ теремъ свой,
Прилетаютъ въ золотой,
Сбрасываютъ перья.
Очи—ясны-небеса,
Занебесны голоса,
Чудо-ожерелья...

Въ полдень въ теремъ золотой
Входитъ витязь молодой,

Digitized by Google

Входитъ и смѣется.
И, какой изъ нихъ чередъ,
Ту онъ за руку беретъ,
Съ тою остается.

Смята жаркая постель,
Запылали кудри—хмель...
Красное веселье...
Шепчетъ дѣва: «Чуръ меня»
Знаетъ, властнѣе огня
Чары ожерелья.

Сгинулъ витязь, въ тѣняхъ садъ,
Сыплетъ яхонты закатъ
Изъ полы узорной.
«Намъ пора, сестрицы, въ путь.»
И купаютъ бѣлу грудь
Въ синевѣ просторной.

Digitized by Google

ЗАКЛЯТЫЙ ВИТЯЗЬ.

День и ночь шумитъ, какъ пьяный,
Непроглядный, старый боръ,
Въ томъ бору среди поляны
Тканый золотомъ шатеръ.

У шатра скакунъ ретивый
Бьетъ копытомъ, машетъ гривой,
А въ разубранномъ шатрѣ
Мертвый витязь на коврѣ.

Темной полночью жаръ-птица
Прилетаетъ въ шуменъ боръ,
Мечетъ искры и садится
Съ долгимъ крикомъ на шатеръ.

Стонетъ витязь, содрогаясь,
Мутнымъ взглядомъ озираясь,
Поднимается съ ковра
И выходитъ изъ шатра.

Ногу въ стремя и за птицей.
Ярый топотъ, свистъ крыла,
Пляшутъ красныя зарницы,
Пляшутъ сосны, пляшетъ мгла.

Digitized by Google

Хлещутъ вѣтви по шелому,
Не моргнутъ коню лихому;
Но едва забрезжетъ свѣтъ,
Бѣлъ шатеръ, а птицы нѣтъ.

Входитъ витязь. Бездыханный
Упадаетъ на коверъ.
И шумитъ, шумитъ, какъ пьяный,
Непроглядный, старый боръ.

Digitized by Google

СКАЗЪ О ПЧЕЛКѢ—БОЖЬЕЙ РАБОТНИЦѢ.

(Аннѣ Саксаганской)

Какъ изъ улія душистаго,
Лишь росой умылась зорюшка,
Вылетала пчелка малая
И садилася на липовъ цвѣтъ,
А росла та липа до-небу.
За работой не до времени,
Ужъ клонилось солнце къ вечеру,
Медъ янтарный собираючи,
Залетѣла пчелка на небо.
Видитъ, теремъ въ свѣтломъ облакѣ,
Предиковинно украшенный,
Словно радуга расписанный.
Благодатью осіянные,
У крыльца стоятъ два ангела,
Ризы ярче снѣга бѣлаго,
А въ рукахъ мечи горящіе
Непрестаннымъ, ярымъ полымемъ.
Пчелка терему дивуется;
Пожужжала, покружилася
И влетѣла въ дверь двухстворчату,
Во чисту-свѣтилицу Божію.
Во свѣтлицѣ злато, серебро,

Digitized by Google

Во свѣтлицѣ семь свѣтильниковъ
И куренья благовонныя,
Два оконца, два косятчата.
Красно солнце смотритъ въ правое,
А напротивъ него въ лѣвое
Мѣсяцъ младъ и звѣзды частыя.
За столомъ, какъ жаръ, сверкающимъ
Самоцвѣтными каменьями,
Самъ Господь во-славѣ мудрости.
Онъ въ рубахѣ шелку бѣлаго,
А порты изъ рыта-бархата,
Борода сѣдая по поясъ,
На лицѣ морщины строгія.
Ослѣпило пчелку благостью.
Полетѣла пчелка къ Господу,
Въ бородѣ его запуталась
И жужжитъ, не можетъ выбраться.
Тутъ Господь, съ улыбкой ласковой,
Изъ напасти пчелку вызволилъ.
Взялъ ее въ пригоршню бережно,
Говорилъ ей таковы слова:
«Ахъ ты, пчелка непосѣдная,
Чѣмъ тебя, мою работницу,
За твои труды пожаловать?
Любы мнѣ златыя свѣчечки,
Любы слезы воску яраго»
Отвѣчала пчелка Господу:
«Не прогнѣвайся, о Господи,
Я бъ хотѣла быть не пчелкою,
А царицей православною».
Лишь успѣла пчелка вымолвить,

Digitized by Google

Какъ быстрѣе синей молніи
Объявилася царицею
Въ бѣлостѣнномъ, стольномъ городѣ.
Голова увита жемчугомъ,
Парчевой нарядъ, какъ полымя,
На рукахъ перстни алмазные,
На ногахъ сапожки—маковъ цвѣтъ.
Высоки хоромы свѣтлыя
Окна весело расцвѣчены,
Передъ древней образницею
Мастерской рѣзьбы по дереву
Тяжела лампада теплится,
Золоты карцы, узорочья
И столы, скамьи дубовыя.
Пчелку малую, смиренную
Не узнать въ красѣ и пышности.
Очи словно звѣзды ясныя,
По хоромамъ ходитъ павою,
Служатъ слуги ей умѣлыя,
Поясным поклономъ кланяясь,
Просятъ хмѣльну чарку выкушать,
Закусить медовымъ пряникомъ,
Гусляры поютъ со гуслями,
Скоморохи тѣшатъ придурью,
Воютъ карлы бородатые.
Минулъ день веселымъ праздникомъ,
На другой—опять веселіе.
Что ни часъ забава новая:
Пляски съ бурыми медвѣдями,
Звѣрованья въ страшныхъ машкерахъ,
Удалы бои кулачные,

Digitized by Google

Вихрелетъ на тройкахъ бѣшенныхъ.
Все то пчелкѣ приглядѣлося,
Все то скоро ей прискучило,
Захотѣла неба яснаго,
Захотѣлось поля чистаго,
Духовитыхъ, тихихъ цвѣтиковъ,
Надоѣло быть царицею,
И взмолилась пчелка Господу:
«Ты прости меня, о Господи,
Ты верни мои мнѣ крылышки,
Отпусти на волю вольную».
Внялъ Господь ея раскаянью
И сказалъ во славѣ мудрости:
«Всякой твари жизнь разумная,
Всякой твари радость разная».
Сномъ распалось царство шумное,
Полетѣла пчелка весело
Черезъ рѣчки, черезъ рощицы
Въ улей свой, подъ липовъ цвѣтъ.
Съ той поры осталась памятка,
Какъ была она царицею
И ходила въ золотой парчѣ,
Такъ по днесь блеститъ на солнышкѣ
Золотая, непосѣдная,
Богу вѣрная, работница.

Digitized by Google

СКАЗЪ О СОЛНЦЕВОМЪ РАТАѢ.

Поднималось солнце вешнее,
Зацѣпилося за край земли,
Разбудило солнце Ратая,
Огнекудраго дѣтинушку;
Спалъ онъ крѣпко годы долгіе
Въ Жаръ-Горѣ, у моря синяго.
Разступились камни мшистые,
Вышелъ весело дѣтинушка,
Бѣлъ, пригожъ, моложе мѣсяца,
Что изъ облака вечерняго
Народился послѣ дождика.
Смѣючись, глядитъ дѣтинушка.
У него-ль кобыла рыжая,
Долгогривая, косматая,
Мечетъ искры, пышетъ полымемъ;
У него-ли золота-соха,
Вся на диво изукрашена
Самоцвѣтными каменьями.
Съ пѣсней звонкой, посередь земли
Онъ повелъ, отъ моря до моря,
Борозду, какъ ночь глубокую,
Повернуть хотѣлъ, соху поднять,
Всколебалася подъ нимъ земля,
Всколебалась, разступилася,

Digitized by Google

И ушелъ въ нее дѣтинушка.
Разгорѣлось солнце на-полднѣ
И кошницу зеренъ, огненныхъ,
Въ память вѣчную о пахарѣ
Въ борозду его просыпало.
Налетѣли вѣтры старые,
Бородами замели ее,
А, какъ солнце спать ложилося,
Тучей-пологомъ задернулось,
Изъ тѣхъ зеренъ на златыхъ кустахъ
Зацвѣтали звѣзды алыя,
Разцвѣтали духовитыя,
Кто ихъ рвалъ, тотъ падалъ на землю,
И отъ силы неизвѣданной
Словно листъ дрожалъ, и звѣремъ вылъ.
И любились люди солнцевой,
Непочатою любовію.

Digitized by Google

СКАЗКА О ВЕСЕЛОМЪ ЧЕРТѢ.

Какъ закапали капели
И повсюду заблестѣли
Говорливы и бойки
Золотые ручейки.
Чертъ въ болотѣ завозился,
Выползъ, легъ и обсушился,
Тину съ шерсти соскребя,
Глянулъ въ воду на себя,
Самъ съ собой перемигнулся,
Ражимъ парнемъ обернулся
И въ деревнѣ за версту
Объявился на мосту.
Очи—вишни наливныя,
Кудри хмелемъ завитыя
И какъ яблоко румянъ.
На распашку синь кафтанъ,
Подъ рубашку съ пѣтушками
Поясъ крученный съ кистями,
Сапоги, какъ жаръ, на немъ,
На бекрень картузъ гвоздемъ.
На гармошкѣ чертъ играетъ,
Лихо пѣсни распѣваетъ,—
Сторонись честной народъ,

Digitized by Google

Добрый молодецъ идетъ,—
Мелетъ дѣвкамъ прибаутки,
Феньки, Машки и Марфутки,
Экій, думаютъ, ловкачъ
И краснѣютъ, какъ кумачъ.
Пѣснѣ въ ладъ тряхнетъ кудрями
И притопнетъ каблуками,
Ухмыльнется, подмигнетъ,
Козырь козыремъ идетъ.

* * *

Вѣтеръ дуетъ и свиститъ,
Вѣтеръ мельницу вертитъ.
Въ той ли мельницѣ веселье,
Безпросыпное похмелье.
Кто-бъ когда-бы не пришелъ,
Раскошелься и за столъ.
Двѣ хозяйки, двѣ старухи
Кривобоки, кособрюхи,
По клыку у нихъ во-рту,
Подъ рубахой по хвосту.
Смерть ихъ знаетъ, не торопитъ.
Страшный кладъ старухи копятъ.
Долго-ль, нѣтъ ли, чертъ гулялъ
И на мельницу попалъ,
Пьянымъ, чваннымъ притворился,
Середь лавки развалился,
Гаркнулъ «штофъ», тряхнулъ мошной,
И пошелъ тутъ пиръ горой.
Пьетъ ковшемъ, чертихъ морочитъ,

Digitized by Google

И горланитъ и гогочетъ.
Что ни есть, со всѣхъ дворовъ
Набѣжало мужиковъ.
Крѣпко потчуетъ гуляка,
Гомонъ, пѣсни, плясъ и драка.
Перепилъ, перепоилъ,
Штофъ еще, и съ ногъ свалилъ.
Свистнулъ посвистомъ змѣинымъ,
Гикнулъ голосомъ звѣринымъ,
И вокругъ деревни лѣсъ
Мигомъ выросъ до небесъ.
Сосны, лапчатыя ели
Долгимъ шумомъ зашумѣли,
Затерялись всѣ пути,
Не проѣхать, не пройти.

* * *

Много-ль разъ съ тѣхъ поръ, иль мало
Солнце красное вставало,
Голь деревни не узнать,
Не житье, а благодать.
Избы новыя, большія,
Окна, крыльца вырѣзныя,
Росписныя ворота,
Въ понадворьяхъ чистота.
Бабы рослы и ядрены,
Ребятенки ихъ драчены,
Погремушками трясутъ,
Сладки пряники сосутъ.
Мастерицы на потѣхи,

Digitized by Google

Дѣвки щелкаютъ орѣхи
И веселою гурьбой
Водятъ парней за собой.
А на пчельникахъ, понурясь,
На пчелинный трудъ прищурясь,
Во сто лѣтъ еще крѣпки,
Грѣютъ спины старики,
Всякій празднично рядится
И, смѣясь, за столъ садится.
Медъ и брага—сокъ земли,
Пироги и кисели,
Все растетъ и зрѣетъ скоро,
И кипитъ работа споро,
Голь деревни не узнать,
Не житье, а благодать.

* * *

Много-ль разъ съ тѣхъ поръ, иль мало
Солнце красное вставало,
Посылаетъ царь дьяковъ,
Съ деревень и городовъ,
Приснороя всю смекалку,
А, гдѣ надо, тамъ и палку,
Собирать злату казну
Съ бусурманомъ на войну.
Сто мѣшковъ казны собрали
И въ столицу обратали,
Да прослышали о томъ,
Что въ запрудищѣ лѣсномъ
Изъ забытаго селенья

Digitized by Google

Выросъ городъ загляденье,
Что царю на три войны
Въ немъ хватило бы казны.
Допросить рѣшили строго
И, врѣзая путь-дорогу.
Среброметны и остры
Застучали топоры.
Проглянули вышки башенъ
И на диво изукрашенъ
Вскорѣ городъ запестрѣлъ,
Словно море зашумѣлъ,
Зазвенѣли бубенцами
Сто телѣгъ со-ста мѣшками.
Полны золота мѣшки,
Понаѣхали дьяки
И пошли чинить расправу.
«По какому, дескать, праву,
Растакіе то... сыны,
Вы не платите казны?»
У дьяковъ былъ норовъ пылокъ,
Не пришлось чесать затылокъ,
Побѣжали со всѣхъ ногъ,
Посбирали кто что могъ.
А дьяки рѣшаютъ мало,—
«Вамъ скупиться не пристало.»—
Дѣлать нечего, пошли,
Покряхтѣли, принесли.
А дьяки еще грознѣе:
—«Все тащи, да поживѣе...»
Все стащили до чиста,
До послѣдняго кнута.

Digitized by Google

Тутъ откудова не взялся,
Красный Петька затесался,
Черезъ улицу бѣжитъ,
Подъ ворота норовитъ.
И дьяки разсвирѣпѣли...
—«Утаить отъ насъ хотѣли,
Или палокъ нѣтъ для васъ,
Изловить его сейчасъ.»—
Только Петька подъ ворота,
И пошла за нимъ охота.
Кто полою, кто коломъ,
Брань и давка, пыль столбомъ.
Петька на тынъ, Петька выше,
Кукарекнулъ и на крышу,
Выросъ, крыльями взмахнулъ,
Хитрымъ полымемъ блеснулъ.
Закрутило, затрещало,
Языками побѣжало,
Вставши облакомъ густымъ,
Заклубился черный дымъ.

. . . . . .
. . . . . .

Жарко мельница пылаетъ,
Вѣтеръ пламя раздуваетъ,
Всполошились малъ и старъ.
Всѣ кричатъ: «пожаръ, пожаръ!»

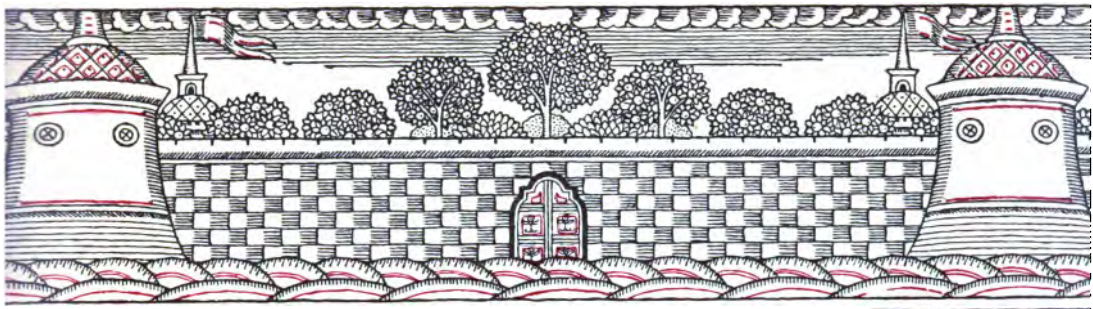
* * *

Тихо, сыро и тепло.
Солнце въ тучу спать легло.

Digitized by Google

Сходитъ съ неба позолота,
На пригоркѣ у болота
На корягѣ чертъ сидитъ,
На сопѣлкѣ свириститъ,
А вокругъ чертихи пляшутъ,
Голосятъ, хвостами машутъ,
Чертъ веснѣ веселой радъ.
На Купала новый кладъ.

Digitized by Google



Сказка

о трехъ царскихъ дивахъ и объ ивашкѣ, поповскомъ сынѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СКАЗКА О ТРЕХЪ ЦАРСКИХЪ ДИВАХЪ И ОБЪ ИВАШКѢ, ПОПОВСКОМЪ СЫНѢ.

За дремучими лѣсами,
За широкими рѣками,
Въ царскомъ городѣ народъ
День за днемъ, изъ года въ годъ
Угощался, веселился
И во множествѣ плодился.
Изъ глубокихъ погребовъ,
Изъ желѣзныхъ сундуковъ
Убѣленный сѣдинами
Казначей, гремя ключами,
Въ шапкѣ золото носилъ
И всѣмъ поровну дѣлилъ.
А на пристани купцы
Про заморскіе концы,
Разложивъ свои товары,
Разводили тары-бары,
Крѣпко бились объ закладъ
Навѣрнякъ и на угадъ,
И народъ валилъ толпами,
Шутки шучивалъ съ купцами,
Любовалъ и выбиралъ,
Не торгуясь, покупалъ.
Послѣ долгаго бездѣлья

Digitized by Google

На народное веселье
И самъ царь взглянуть не прочь...
Посадилъ царевну-дочь,
Осмотрѣлся быстрымъ взглядомъ,
Плотно сѣлъ съ царицей рядомъ
И на тройкѣ вороной,
Въ колымагѣ золотой
Ѣдетъ... Лихо тройка мчится,
Пыль за тройкою клубится.
Ѣдетъ свитой окруженъ,
Клики, пушки и трезвонъ...
Тройка, будто вихрь, домчала
И, какъ вкопанная, стала.
Царь съ царицей позади,
А царевна впереди,
Не спѣша, идутъ со свитой,
Половицею расшитой.
Хлѣбъ и соль имъ и поклонъ,
Клики, пушки и трезвонъ...
Каждый что-нибудь подноситъ
И принять усердно проситъ.
Царь купцовъ благодаритъ
И о торгѣ говоритъ.
Вышилъ ковшъ заморской браги
И обратно къ колымягѣ
Ужъ идетъ, шатаясь, онъ.
Клики, пушки и трезвонъ...

Digitized by Google

ЧАСТЬ I.

У царя три дива было,
И молва о нихъ трубила.
Диво первое былъ садъ,
Обнесенный въ семь оградъ.
Садъ былъ малъ, но, право слово,
Лучше всякаго большого.
Сорокъ яблонь въ немъ росли,
Съ утра до ночи цвѣли
Бѣлоснѣжными звѣздами,
Духовитыми цвѣтами.
Ночью каждая изъ нихъ
По сту яблокъ золотыхъ
Съ шумомъ на земь отрясала
И на утро зацвѣтала.
Засвѣтивши фонари,
Подбирая до зари,
Полысѣвшіе въ запретахъ
Пятьдесятъ дьяковъ раздѣтыхъ
Клали въ ларь за плодомъ плодъ
И на немъ писали счетъ.
Счетъ печатью закрѣпивши
И за службу наградивши,

Digitized by Google

Заперевши семь дверей,
Отпускалъ ихъ казначей.
Ларь на дроги становили,
Сто коней его тащили
Подъ охрану и запоръ
На монетный крѣпкій дворъ.
Это первое. Второе
Диво было вотъ какое:
Златогривый, статный конь,
Рогъ на лбу, въ глазахъ огонь.
Царь цѣнилъ его высоко,
И берегъ прилежнѣй ока.
Какъ въ несчастную луну
Снаряжаться на войну,
Знали всѣ, конь бьетъ копытомъ,
Значитъ, быть врагу убитымъ,
Если-жъ смирно конь стоитъ,
Значитъ, будетъ царь убитъ.
Непристойно царь бранился,
На коня онъ не садился,
А на подвигъ боевой
Ѣхалъ кто нибудь другой...
Третье диво—ковшъ блестящій,
Часто брагою шипящій,
Повернетъ его царь дномъ,
Постучитъ въ него перстомъ
И, какъ десять вѣтровъ рьяныхъ,
Въ шитыхъ жемчугомъ кафтанахъ,
Появляются на зовъ
Десять бравыхъ молодцовъ.
Царь мудруетъ и гадаетъ,

Digitized by Google

Чѣмъ забавиться не знаетъ
И, надумавши, велитъ
Принести имъ «рыбу—китъ»
Птицу «перье—золотое»,
Или что нибудь другое.
И, еще не кончитъ словъ,
Ужъ приказъ его готовъ.
Такъ царь жилъ и веселился,
Старъ и младъ ему дивился,
День и ночь благодаря
Столь достойнаго царя.

* * *

Смолкъ веселый гамъ пирушки,
Смолкли трубы, смолкли пушки,
Все спилось и улеглось.
Лишь царевнѣ не спалось.
Что-то ныло и мѣшало,
То въ ознобъ, то въ жаръ бросало,
И лебяжіи жестки
Были ей пуховики.
Но, лишь зорька проглянула,
Позабылась и заснула.
Ужъ въ церквяхъ къ обѣдни звонъ,
А ей снится грѣшный сонъ.
Снится ей: на дворъ широкій
Въѣхалъ витязь чернооkій,
Конь подъ витяземъ храпитъ,
Все на витязѣ блеститъ,
Слѣзъ съ коня и крикнулъ гнѣвно:
«Гдѣ краса моя царевна?

Digitized by Google

Я вамъ, пьяное дубье,
Гдѣ вы спрятали ее?»
Заскрипѣли половицы,
Настежъ дверь и онъ въ свѣтлицѣ,
Крѣпко за руку беретъ
И куда-то внизъ ведетъ.
Вдругъ они на полѣ бранномъ—
Кости, воронъ... Въ златотканномъ,
Аломъ, шелковомъ шатрѣ
Онъ съ ней рядомъ на коврѣ.
Какъ они другъ дружкѣ любы,
Онъ цѣлуетъ жарко въ губы,
И, дрожа, истомлена,
Просыпается она.
Въ разноцвѣтное оконце
Свѣтитъ ласковое солнце,
Пологъ радугой сквозитъ,
И царевна встать спѣшитъ.

* * *

Царь давно уже проспался
И сидѣлъ, опохмѣлялся,
А у ногъ его чета—
Два горбатые шута,
Потно-красные отъ злости
На щелчки играли въ кости.
У царя животъ болѣлъ,
Вспоминая, что онъ съѣлъ
И кто съ кѣмъ дрался скамьями,
Осовѣлыми глазами
Тупо глядя на разгромъ,

Digitized by Google

Царь былъ пасмуренъ лицомъ.
Вверхъ торчали ножки трона,
И алмазная корона,
Свѣтъ и цвѣтъ его землѣ
Потонула въ киселѣ.
Вдругъ царевна, легче тѣни,
Подошла и на колѣни
Опустилась передъ нимъ,
Передъ батюшкой своимъ.
«Свѣтъ-мой батюшка, къ тебѣ я»,
Говоритъ она, краснѣя:
«Долголь дѣвкѣ до грѣха,
Смерть хочу я жениха».
«Ишь ты», царь, икнувши, молвилъ,
Допилъ ковшъ, еще наполнилъ
И опять, блеснувши дномъ,
Постучалъ въ него перстомъ.
И, какъ десять вѣтровъ рьяныхъ,
Въ шитыхъ жемчугомъ кафтанахъ
Появились вмигъ на зовъ
Десять бравыхъ молодцовъ.
Приказалъ имъ царь: «летите
И къ полудню розыщите
Самыхъ старыхъ мудрецовъ,
Звѣздочетовъ и скопцовъ,
Всѣхъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ,
Я нуждаюсь въ ихъ совѣтѣ.»
Поклонились молодцы
И въ далекіе концы,
Обернувшись соколами,
Понеслись за мудрецами.

Digitized by Google

* * *

Въ златостѣнныя палаты,
Ярко вырядясь въ халаты,
Собирались м у д р е ц ы,
«З в ѣ з д о ч е т ы и с к о п ц ы».
Турьи зубы, рыбьи кости,
Книги, ладонки и трости
Разложили по столамъ
И разсѣлись по скамьямъ.
Крѣпко думали, судили
И на третій день рѣшили,
«Царскимъ Зятемъ будетъ тотъ,
Кто по чести назоветъ
Царство болѣе счастливо,
Гдѣ диковиннѣе дива.
На вопросъ ихъ, «такъ, иль нѣтъ»,
Царь, одобривши совѣтъ,
Наградилъ казной, конями,
Самоцвѣтными камнями,
До пресыта угостилъ
И съ поклономъ отпустилъ.
Сѣлъ на тронъ, надѣлъ корону
И, присягу давъ закону,
Трубачамъ велѣлъ трубить,
Звонарямъ велѣлъ звонить.
И трубили, и звонили,
И безъ умолку гласили:
«Царскимъ зятемъ будетъ тотъ,
Кто по чести назоветъ
Царство болѣе счастливо,
Гдѣ диковиннѣе дива».

Digitized by Google

ЧАСТЬ II.

Кто въ томъ царствѣ проживалъ,
Каждый что нибудь да зналъ
Про Поповича Ивашку.
Былъ съ душой онъ на распашку,
Кудри-ночь, а очи-жаръ,
Ухарь, бабникъ и гусляръ.
Съ корабельщикомъ—бродягой,
Прогорланивъ ночь за брагой,
И, намявъ ему бока,
Съ пѣсней онъ изъ кабака
На утрѣ, шатаясь, вышелъ
И со всѣхъ концовъ услышалъ:
«Будетъ царскимъ зятемъ тотъ,
Кто по чести назоветъ
Царство болѣе счастливо,
Гдѣ диковиннѣе дива!»
«Чтожъ», подумалъ онъ, «пойду,
Тары-бары разведу.»
Ловко гусли перекинулъ,
На затылокъ шапку сдвинулъ,
Словно царь къ царю пришелъ
И такую рѣчь повелъ:
«Здравствуй, царь (онъ поклонился),
Я на кличъ къ тебѣ явился,

Digitized by Google

Надоѣло, вишь, бренчать,
Вздумалъ счастье попытать:
Я узналъ, что за морями,
За высокими горами,
Въ чудо-градѣ царь живетъ,
И счастливъ его народъ.
Тамъ ни золъ, ни бѣдъ не знаютъ,
Не родятъ, не помираютъ.
У царя, какъ твой же садъ,
Саженъ садъ за семь оградъ,
Притворенъ семью вратами,
Запертъ хитрыми замками,
Сорокъ яблонь въ немъ растутъ,
Съ утра до ночи цвѣтутъ,
Ночью яблоки роняютъ,
А на утро зацвѣтаютъ,
Сторожатъ ихъ крѣпко-злы,
Полульвы, полуорлы.
Съ виду яблоки простыя,
А твои—хоть золотыя,
Коль сказать, чтобъ не соврать,
На одно не промѣнять.
Кто ихъ ѣстъ, тотъ все пригожѣй
И въ сто лѣтъ меня моложе.
Вотъ то диво-каково.
Но диковинѣй его
Вороная кобылица,
По заслугамъ баловница.
Стойло, солнцева краса,
Вмѣсто сѣна и овса
Въ сладкомъ варевѣ орѣхи,

Digitized by Google

Пьетъ лишь медъ, а для потѣхи
День и ночь играютъ ей
Десять рыжихъ трубачей.
День и ночь она пируетъ,
Но, лишь вражій духъ почуетъ,
На дыбы и ко дворцу,
Прямо къ красному крыльцу.
Станетъ, стукнетъ разъ копытомъ,
Съ вихремъ быстрымъ и сердитымъ
Съ моря туча налетитъ,
Туча солнце заслонитъ.
Стукнетъ два, ударятъ громы,
Всѣ попрячутся въ хоромы.
Стукнетъ въ третій разъ и вотъ,
Всѣ и все, дворы и скотъ,
Станутъ словно бы игрушка,
Царь и съ нимъ любимый служка
Царство взгребъ и въ мѣшокъ,
Да скорѣе на утекъ.
Подступаетъ вражья сила,
Подступила, затрубила,
Чисто поле, царства нѣтъ,
Отъ царя простылъ и слѣдъ.
Диво третье: ковшъ блестящій,
Часто брагою шипящій,
Повернетъ его царь дномъ,
Постучитъ въ него перстомъ,
Тотчасъ съ криками веселья,
На лету роняя перья,
Прилетаютъ десять птицъ,
Обращаются въ царицъ.

Digitized by Google

Въ бѣлоснѣжныхъ сарафанахъ,
Краснымъ золотомъ затканыхъ,
Съ жаръ-цвѣтами въ волосахъ,
Съ цвѣтъ-перстнями на рукахъ.
Ужъ онѣ его ласкаютъ,
Всѣмъ, чѣмъ хочетъ, ублажаютъ,
Сладко кормятъ, брагу льютъ,
Пѣсни звонкія поютъ.
Тѣшутъ кто игрой, кто пляской,
Кто загадкою, кто сказкой.
Царь, какую изберетъ,
Подмигнетъ и спать ведетъ.
Такъ живетъ онъ, веселится,
Старъ и младъ ему дивится,
День и ночь благодаря
Столь веселаго царя.
Это ль царство не счастливо,
Не диковнѣй ли дива?
Посмекай-ка, и коль я
Заслужилъ къ тебѣ въ зятья,
То, какъ къ свадьбѣ все готово,
Снарядивъ гонца лихого,
Шли за мной въ любой кабакъ,
Обо мнѣ тамъ знаетъ всякъ.»
Тутъ Ивашка поклонился
И, какъ ровня, удалился.
Царь обиды не стерпѣлъ
И вернуть его велѣлъ,
Задрожалъ, топча ногами,
Замахалъ смѣшно руками:
«Я тѣ! Ты, я вижу хватъ,

Digitized by Google

Отвѣчай мнѣ, твой тамъ садъ,
Кобылица и царицы,
Это быль, иль не былицы?»
Но Ивашка не смущенъ,
Рѣчь такую держитъ онъ:
«Это быль, иль не былицы,
Ты спроси у Сиринъ-птицы,
У ней сказъ мой въ полнотѣ
Весь написанъ на хвостѣ.
Я съ пріятностью забавной
Съ яснымъ мѣсяцемъ недавно
Въ облакахъ всю ночь гулялъ,
Пѣсни новыя игралъ.
Сиринъ тамъ, на звѣздномъ мостѣ,
Собиралась къ солнцу въ гости».
Пуще царь разсвирѣпѣлъ,
Инда весь позеленѣлъ:
«Живо въ солнцеву столицу
И подать мнѣ Сиринъ-Птицу,
Иль сейчасъ сѣдлай коня,
И доставь меня въ три дня
Въ царство то, что такъ счастливо,
Гдѣ диковиннѣе дива,
А не то велю пытать,
И изъ пушекъ разстрѣлять!»
— Тутъ царя перекосило,
Все поплыло, зарябило,
И прошибъ холодный потъ.
Царь, схватившись за животъ,
Побѣжалъ отбавить лишку,
А за нимъ шуты вприпрыжку.

Digitized by Google

* * *

Боръ сосновый, боръ дремучій,
Изумрудный и пахучій.
Царскій поѣздъ... бубенцы,
По бокамъ трубятъ стрѣльцы,
Впереди труситъ Ивашка,
Слѣдомъ царь, въ рукѣ съ баклажкой.
Онъ на бѣлыхъ лошадяхъ
Въ горностаяхъ и шелкахъ.
Часто тянетъ изъ баклажки
И кричитъ порой Ивашкѣ.
«Эй, ты, горе—молодецъ,
Скоро-ль странствію конецъ?»
А Ивашка погоняетъ,
Ничего не отвѣчаетъ.
Дальше ѣдутъ повара
И готовятъ осетра,
А за ними скучно—тихи
Два шута и двѣ шутихи
И, примявъ скуфью на лобъ,
Съ тощимъ причтомъ толстый попъ.
Боръ сосновый, боръ дремучій,
Изумрудный и пахучій.
Ѣдутъ третій день, и вотъ
Вечеръ ясный настаетъ,
Тѣни длинныя ложатся
И верхушки золотятся.
Вдругъ лужайка, а на ней
Страшный теремъ изъ костей.
Въ царскомъ поѣздѣ смятенье,

Digitized by Google

Царь съ испугу подъ сидѣнье,
А Ивашка слѣзъ съ коня.
«Подожди-ка здѣсь меня,
Наклонившись надъ телѣжкой,
Говоритъ царю съ усмѣшкой,
Забѣгу спровѣдать я,
Какъ-то бабушка моя».
Самъ-же думая, какая
Ждетъ бѣда меня лихая?
Быстро всходитъ на крыльцо
И берется за кольцо.
Дверь послушно отворилась
Отворилась и закрылась.
Пусто, лишь скамья стоитъ,
На скамьѣ лежитъ, скрипитъ
Страхъ носата, вислоуха,
Деревянная старуха.
Въ паутинѣ и тряпьѣ
Она клиньями къ скамьѣ
Крѣпко на крѣпко прибита,
Червоточиной изрыта.
Говоритъ Ивашка ей:
«И страшна-жъ ты, нѣтъ страшнѣй.
За вину, скажи, какую
Терпишь муку ты такую.»
А Яга ему въ отвѣтъ:
«Вотъ уже сто долгихъ лѣтъ
Я терплю отъ чародѣя
Черной крови, злого змѣя.
Онъ меня обворовалъ,
Чудо—зеркальце укралъ,

Digitized by Google

Я въ то зеркальце смотрѣла,
Молодѣла, хорошѣла.
Пособи мнѣ, свѣтъ, молю
И тебѣ я пособлю»...
Съ плечъ кафтанъ Ивашка скинулъ,
Распатавши, клинья вынулъ
И промолвилъ: «ну, ступай,
Зломъ добра не поминай.
Стукнувъ объ полъ, сѣла, встала,
Руки, ноги разболтала
И, его благодаря,
Такъ скрипитъ: «Веди царя
Все-то лѣсомъ на опушку;
Тамъ увидишь ты вертушку,
Расписного пѣтушка-
Золотого гребешка,
Ты вели остановиться,
Гдѣ, спроси, моя столица,
И, куда онъ закричитъ,
Знай, туда твой путь лежитъ.
Тутъ Ивашка поклонился
И съ Ягою распростился.

* * *

Занимается денекъ
И вертится пѣтушокъ.
Царскій поѣздъ загибаетъ,
На опушку выѣзжаетъ,
Звонко пляшутъ бубенцы,
Заливаются стрѣльцы,
Царь ругается съ Ивашкой

Digitized by Google

И грозитъ пустой баклажкой:
«Отъ меня ты не уйдешь
И меня не проведешь,
Долго-ль безъ толку кружиться,
Нечѣмъ мнѣ опохмѣлиться».—
А Ивашка со смѣшка:
Вотъ спрошу у пѣтушка.
«Эй, постой, вертунъ, ты—птица,
Гдѣ, скажи, моя столица?»
Встрепенулся пѣтушокъ,
Сталъ и, вскинувъ гребешокъ,
Залихватски пѣтушинулъ.
Царь затрясся, ротъ разинулъ,
И, что было силъ напрячь,
Припустились кони вскачь.
Пѣтушокъ опять усѣлся
И быстрѣе завертѣлся.

* * *

Разукрасилась столица,
Серебрится, золотится...
Въ жаркомъ солнцѣ купола
И гудятъ колокола,
Флаги пестрые трепещутъ,
Водометы быстро блещутъ,
Пушки гулкія палятъ,
Трубы звонкія трубятъ,
Въѣхалъ съ поѣздомъ Ивашка,
Въ пѣнѣ конь и дышетъ тяжко.
Окружилъ его народъ,
И проѣзду не даетъ.

Digitized by Google

Разодѣтъ на ладъ нѣмецкій,
Увивается дворецкій:
«Заждались тебя, нашъ свѣтъ,
Ждемъ—пождемъ, все нѣтъ и нѣтъ.
Какъ-то справилъ путь-дорогу,
Живъ, здоровъ, ну, слава Богу!»
И дворецкій побѣжалъ,
Пиръ на славу заказалъ.
Отъ такого превращенья,
Отъ большого удивленья
На царя столбнякъ нашелъ.
И, когда за честенъ столъ
Онъ съ Ивашкою садился,
Думалъ, сонъ ему приснился.
Между сахарныхъ дворцовъ
И медовыхъ пироговъ
Столько всякого хмельного,
Что и счету нѣтъ такого.
Черезъ семь цвѣтныхъ оградъ
Изъ окна былъ виденъ садъ.
Слышно было, веселится
Съ трубачами кобылица.
Городъ кровлями блестѣлъ
И народъ внизу шумѣлъ,
Ѣлъ и пилъ въ благоутробье
За Ивашкино здоровье.
Честенъ столъ въ полустолѣ.
Молвитъ царь:—«На всей землѣ
Царства лучшаго не знаю,
Дивнѣй дивъ не вспоминаю.
И, пожалуй, я не прочь

Digitized by Google

За тебя просватать дочь.»
А Ивашка усмѣхнулся,
Кое съ кѣмъ перемигнулся,
Повернулъ онъ ковшъ свой дномъ,
Постучалъ въ него перстомъ.
Тотчасъ съ криками веселья,
На лету роняя перья,
Прилетѣли десять птицъ,
Обернулися въ царицъ.
Царь съ досады крѣпко сплюнулъ:
«Значитъ, въ носъ мнѣ фигу сунулъ!»
Всталъ. И за дверь лататы,
А за нимъ его шуты.

* * *

Вотъ и сказка разсказалась,
Что запуталъ, развязалось.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№№		Стр.
1.	Посвященіе . . .	5
	Мятежъ.	
2.	Учителю . . .	9
3.	Вѣка	11
4.	Виѳлеемъ . . .	13
5.	Въ книгохранилищѣ .	15
6.	Барельефъ . . .	17
7.	Солнце	19
8.	Смерть	21
9.	Любовь . . .	23
10.	Слава	25
11.	Іудѣ	27
12.	Въ башнѣ . . .	29
13.	Ночь	30
14.	Въ городѣ . . .	32
15.	Весна	34
16.	Съ улицы . . .	36
17.	Арлекинъ . . .	37
18.	Ослѣпшій мѣсяцъ странно гасъ . .	38
19.	Сонъ	39
20.	Дьяволы города . .	41
21.	Цвѣтокъ . . .	42
22.	Дочь города . .	43
23.	Калѣка . . .	44
24.	Часовщикъ . . .	46
25.	Смѣхомъ каменнымъ, мглою желѣзной . .	47
26.	Въ пещерѣ . . .	48
27.	Пѣсня крови . .	49
28.	Барабанщикъ . .	51
29.	Пѣсня пьяницъ . .	52
30.	Поэтъ	54
31.	Сатанаилъ . . .	56
32.	Dies irai . . .	57
33.	Въ витринѣ . . .	59
34.	Въ кинематографѣ .	61
35.	Звѣри	63
36.	Младенцы . . .	65
37.	Среди суетни городской	67
38.	Я отзвукъ шумнаго прибоя	68
39.	Ставъ на краю скалы крутой . . .	69
40.	Маскарадъ . . .	70
41.	Я въ глубинѣ безчисленныхъ зеркалъ .	71
42.	Ложь	72
43.	Семь	74
44.	Женщинамъ . . .	75
45.	Евинъ Змѣй . .	76
46.	Пилигримъ . . .	77
47.	Виктору Гофману .	78
48.	Толпа	79
49.	Въ огонь . . .	81
50.	На канатѣ . . .	82
51.	Маска	83
52.	Смѣхъ	84

Digitized by Google

№№ Стр.

Красныя пѣсни.

53. Три ворона . . . 87
54. Никто не ждетъ . . 88
55. Въ ту ночь . . . 89
56. Заклятые . . . 90
57. О желѣзномъ шахтерѣ 91
58. Мужики . . . 92
59. Бѣлый воронъ . . 94
60. Въ дорогѣ . . . 95
61. Свобода . . . 96

Въ природѣ.

62. Земля 101
63. Какъ хорошо и больно быть поэтомъ . . 102
64. На закатѣ . . . 104
65. У окна 105
66. Осеннее . . . 106
67. Баба 107
68. Ямщикъ . . . 109
69. Какъ въ брошенномъ домѣ 111
70. Дѣва горъ . . . 112
71. У моря 114
72. Вы люди—мнѣ чужіе 115
73. Облако 116
74. Помнишь . . . 117
75. Въ лунномъ свѣтѣ рѣютъ тѣни . . . 118
76. Шумятъ деревья за окномъ 119
77. На колокольнѣ . . 120
78. Романсъ . . . 121

№№ Стр.

Баллады и сказки.

79. Семь Принцессъ . . 125
80. Шуты 127
81. Лебеди 129
82. При лунѣ, на косматомъ конѣ 131
83. Богатырь . . . 132
84. Вѣдьма 134
85. Царевна . . . 135
86. Далеко въ пустынѣ моря 138
87. Призывъ . . . 139
88. Въ кровавыхъ порфирахъ и въ яркихъ коронахъ 140
89. Звѣздочетъ . . . 141
90. Пѣсня о бѣдномъ рыцарѣ и слѣпой Лизѣ . 142
91. Принцесса . . . 143
92. Шутъ 144
93. Морская волшебница . 147
94. На стражѣ . . . 148
95. Лунный городъ . . 149
96. Три ожерелья . . . 150
97. Заклятый витязь . 152
98. Сказъ о пчелкѣ божіей работницѣ . . . 154
99. Сказъ о солнцевомъ пахарѣ 158
100. Сказка о веселомъ чортѣ 160
101. Сказка о трехъ царскихъ дивахъ и объ Ивашкѣ, Поповскомъ сынѣ 169

Digitized by Google

КНИГИ АЛЕКСАНДРА РОСЛАВЛЕВА.

КРАСНЫЯ ПѢСНИ — цѣна 25 к. (распродано).

СКАЗКА О ТРЕХЪ ЦАРСКИХЪ ДИВАХЪ И ОБЪ ИВАШКѢ, ПОПОВСКОМЪ СЫНѢ—изд. «Eos» ц. 20 к.

ВЪ БАШНѢ, первая книга стиховъ 1904—1907 г. Обложка и рисунокъ И. Билибина—изд. «Eos». Цѣна—1 р.

Печатается:

СКАЗКА — Сонеты.

СМѢХЪ—вторая книга стиховъ.

Готовится къ печати:

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ—третья книга стиховъ.

Digitized by Google

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «E O S»

ДМ. ЦЕНЗОРЪ — «Старое гетто» — 20 коп.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ—«Пляска мертвыхъ» въ переводѣ Потемкина, съ обложкой Л. Бакста—60 к.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ — «Сказка о трехъ царскихъ дивахъ и объ Ивашкѣ, поповскомъ сынѣ» — 20 коп.

ТОЖЕ — «Въ башнѣ» стихи. Книга первая — 1 р.

ВЛ. ЛЕНСКІЙ — Сборникъ стиховъ, (въ печати).

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ — «Княжна-русалка», книга разсказовъ, въ переводѣ Оскара Норвежскаго (въ печати).

МАРІЯ МАДЕЛЕНЪ—«Три ночи»—пѣснь любви, въ переводѣ О. Б. Гольденбергъ (въ печати).

Типографія Товарищества «Друкарь».
Фонтанка, 94.

240ST2 005
8 53 BR 6072

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ:

СТРАН.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢД. ЧИТАТЬ:
11	4 снизу	И ужасъ	И ужасъ:
29	2 сверху	Я	И
30	8 »	Какъ пьяныя	Какъ пьяные
48	5 »	Отдаленье	Отдаленья
49	6 снизу	Ложе	«Ложе
51	8 снизу	полнымъ	пьянымъ
51	8 снизу	старуха,	старуха?
53	8 сверху	Сатана,	Сатана?
80	1 »	путей.	путей:
81	4 снизу	мнѣ—	мой—
84	7 »	знакъ.	знакъ:
107	2 сверху	зелень бархатъ	зеленъ—бархатъ
109	3 »	коней;	коней
109	5 »	бѣла	бѣла.
109	6 »	Поземка,	Поземка
110	2 снизу	Поземка	Поземка,
110	4 »	сонъ:	сонъ...
113	1 »	повторялся я эхомъ	повторялся эхомъ
115	1 »	море, море	море, море...
121	3 сверху	Шлю вамъ съ улыбкою	Шлю вамъ цвѣты съ *улыбкою.*
127	8 снизу	Кривлялись и, воя	Кривляясь и воя
136	3 сверху	быстрѣй	быстрѣе

Digitized by Google

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «E O S»

СТРАН.	СТРОКА	
II	4 снизу	
20	2 сверху	
30	8 »	
48	2 »	
49	6 снизу	
51	8 снизу	
51	8 снизу	
53	8 сверху	
80	I »	
81	4 снизу	
84	7 »	
102	2 сверху	
103	3 »	
103	5 »	
103	6 »	
110	2 снизу	
110	4 »	
113	I »	
115	I »	
121	3 сверху	
127	8 снизу	
129	3 сверху	

Digitized by Google

7 240ST2 005
88 53 BR 6072

Digitized by Google

Digitized by Google

PG 3470 .R7 V2 1907 C.1
V bashnie :
Stanford University Libraries
3 6105 040 519 113

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

Digitized by Google

Digitized by Google